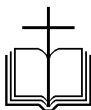

Игорь КОЛГАРЁВ

НЕВЗЯТАЯ ВЫСОТА

Сборник христианских
рассказов

«БИБЛИЯ ДЛЯ ВСЕХ»

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

2009

ББК 86.376
УДК 242
К60

Сборник христианских рассказов
предназначен для широкого круга читателей. Язык рассказов прост,
но погружает в глубокие размышления об истинной вере во Христа,
ведя к поиску смысла и отвечая на многие вопросы современной
жизни. Простые житейские сюжеты и связь с вечностью —
основная тема рассказов.

Охраняется законодательством об авторском праве. Никакая часть этой
книги не может копироваться и публиковаться никакими средствами
(печатными, фотографическими, электронными, звукозаписывающими
и пр.) без предварительного письменного разрешения владельца автор-
ских прав.

ISBN 978-5-7454-1180-9
© «Библия для всех», 2009

ВСТРЕЧА С САМИМ СОБОЙ

Фантастический рассказ

Грустно... В такие минуты вспоминаешь, что идти долиной смертной тени — занятие не из приятных, и скорее бы она кончилась уже, в самом деле... Воздух холодный, вокруг мокро и темно. Почему-то приходят мысли о том, что я плохо справляюсь с возложенной на меня Богом миссией... Ведь есть же эта миссия, есть, у каждого из нас. Только мы ее не всегда хотим принять и исполнить...

Подул ветер, край черного неба открылся из-за грязных и серых туч, я увидел звезды на небе. Какая красота! Бывает ли фантастика в жизни христианина? Возможна ли она вообще? А почему нет? Должна быть и есть обязательно.

В дверь моей квартиры постучали.

— Кто там? — отозвался я, отметив с явным неудовольствием, что голос сорвался и прозвучал не столь грозно.

— Я! — последовал простой и логичный ответ из-за двери.

Почему-то мне показалось, что я знаю этот голос тысячу лет. Я отодвинул задвижку на двери и распахнул входную металлическую дверь. На пороге стоял молодой человек с веселой улыбкой и подозрительно знакомой физиономией.

— Здорово! Это ты, Иван Дыбов двадцать первого века, что ли?

— Я... — ответил я. — А вы кто?

— Не узнал? — развеселился гость. — Смотри внимательнее! И пройти вообще можно или как? Я тут совсем у тебя промок, ну, и климат ты выбрал себе для среды обитания!

Я смущенно пригласил гостя войти, хотя общаться с какими-то гостями мне было вовсе неохота. Но кто его знает, кто это такой, может, мой какой-нибудь знакомый, пришел со мной посоветоваться по вопросам богословия, а я тут мешкаю и еще чем-то недоволен. Вспомнились мне и разные истории про то, как верующие не принимали гостя, а им потом оказывался Сам Иисус Христос...

Гость вошел, оглядел мою квартиру, было видно, что она представляет для него огромный интерес. В моей голове начала крутиться противная фраза, которую я ни за что бы не произнес, настолько она выпрениная и чуждая: “С кем имею честь?” Однако спросить нечто подобное меня все же подмывало...

— Ну, чо, все думаешь, кто я такой, да? — улыбнулся молодой человек.

Я посмотрел еще раз на него. Джинсовый костюм, потертый и явно не новый, длинные волосы сессуном, наверное, хиппи, свитер и кеды. Надо же, кто-то еще носит кеды! Где же он их добыл-то?

— У меня плохая память, — начал я извиняться. — Я лица ужасно плохо запоминаю. А, если запоминаю, потом с трудом инденти... иден-ти-фи-цирую... Но ты на кого-то похож, это явно.

Тут он подошел ко мне вплотную, так что я невольно взглянул на его искрящиеся в улыбке зубы и... увидел металлический зуб, как у меня, и, причем, на том же самом месте...

Лицо мое искажил ужас, он, видимо, его прочитал, но продолжал ловить удовольствие от момента.

— Я — это ты!

— Что?

— Ха-ха! Ты, ты, только 20 лет назад! На машине времени к тебе сюда! Здорово, правда?

— Как это?.. — удивился я простоте, с какой он рассказывал об этом. Как будто проехать на машине времени — это все равно, что проехать пару остановок на трамвае.

— На самом деле, старик! — уселся он в мое кресло. — Ты не пугайся, такое иногда бывает. Веришь в чудеса? Ну, вот, считай, что одно такое чудо перед тобой! Сядь, расслабься, у меня времени мало, а узнать хочу обалденно много! Давай, рассказывай, как ты тут и что?

Сесть он мог бы мне и не предлагать, я и так опустился на диван и почувствовал, что мной завладел ужас.

— А как я могу знать, что ты — это я? Ты откуда?

— Из техникума прямо сюда. Очень хотел узнать свое будущее. И вот ты — мое будущее. Давай без паники, ладно?

— То есть ты — это я, но в прошлом? — не унимался я, чувствуя, что меня или дурачат, или это правда. — Тогда почему я не помню, чтобы 20 лет назад я летал в будущее и встречался с собой?..

— Так мне разрешили съездить в будущее только с условием, что при возвращении мне сотрут память об этом. Это же очень редкое явление, тут следят строго, чтобы не было утечки. Но ты не бойся, тебе не сотрут. Ты и сам никому не расскажешь. Ты ж понимаешь, что это вообще шиза настоящая: сам к себе пришел из прошлого!

— А зачем?

— Для меня — я хотел узнать будущее, чтобы внутри быть готовым, даже если забуду встречу, но внутренне я буду что-то знать о том, каким я буду... А тебе — тоже для чего-то. Вообще полезно, время от времени, встречаться с самим собой.

— Понимаю... — задумался я. — Наша встреча, я так думаю, это что-то вроде встречи с ангела-

ми, что описаны в Библии. Только на этот раз она обставлена в такую форму... Понимаю! Я никого никогда не слушал, мне никто не авторитет, и поэтому Бог... Поэтому Он послал мне не какого-то другого человека, и не ангела, а меня же... Меня самого...

— Возможно, — согласился мой юный двойник.

— Покажи правую руку!

Он поднял ее, и я увидел огромный шрам через всю ладонь — след от моей попытки остановить циркулярку на пилораме, когда я хотел спасти от пилы белку, жившую, как мне сказали старшие ребята, внутри того огромного бревна...

— Так ты еще не знаешь, что с тобой будет дальше? — осенило меня. — Ты не знаешь, как ты будешь служить в армии, что станет с нашей страной, как ты женишься, как уверуешь в Бога?..

— Нет! — ответил другой я. — А что, я уверую, и что-то будет со страной? Вот это да...

Я явно почувствовал свое превосходство.

— Эх ты, зеленый! — улыбнулся я.

— Да ладно тебе! — смутился молодой я.

Я уселся поплотнее на диван напротив его кресла и с улыбкой начал рассказывать.

— Отслужишь в армии, кончишь ты свой техникум, совсем немного поработаешь по своему диплому. Только не нужен ты будешь никому, и наступит перестройка, и вас всех распустят на вольные хлеба!

— Какая такая перестройка? Чего перестройка?

— Ну, так будет называться политика партии и правительства. «Демократию» начнут пытаться построить... Только коммунизм этого не выдержит и рухнет.

— Как это рухнет? Ты на что намекаешь? Коммунисты перестанут править страной?

— Именно! В один прекрасный момент всех их пинком под зад выгонят с руководства, народ взбунтуется, начнутся всякие демонстрации, свобода печати, забастовки, даже баррикады строить будут в самом центре Москвы!

— Да ты чо? Ничего себе! А сейчас они вроде бы очень даже крепко сидят у власти...

— Это видимость все. Как Андропов умрет, так и начнется брожение... Вот увидишь.

— Здорово. Значит, не зря я пишу свои антисоветские песни?

— Конечно. Пиши больше, потом они будут цениться очень высоко. И вообще, сможешь сказать, что тоже боролся с тоталитарным совковым режимом и был гоним! — я улыбнулся.

Молодой я испытал шок и сидел, переваривая эту новость.

— Значит, я интуитивно правильно чувствовал, что этот строй неправильный, что коммунисты неправы?..

— Однозначно!

— Это замечательно, слушай! — встал от волнения молодой. — А то я иногда думал, что мой протест против строя — это всего лишь мое максималистское бунтарство, хулиганство, что ли... А тут оказывается, я был прав. Ничего себе... Вот как бывает... Ну, точно! Такое безобразие же развели в стране, продуктов нету, со всем миром в ссоре, все запрещено, в партии какие-то стариканы управляют. Так и должно было быть!

— Ой, а что тебе придется еще узнать о нашем советском государстве, милый друг, — со значением произнес я, — ты просто не представляешь! То есть, даже вообразить себе не можешь!

— То есть? — испугался я молодой.

— При Сталине репрессии в стране просто чудовищные были, полстраны в лагерях побывало

ни за что, уничтожено было столько, что и Гитлеру не снилось. Кстати, в Великой Отечественной погибло не 20 миллионов, а около 30.

— Да?

— А вот, скажем, кто, по твоему представлению, Ленин? — злорадно спросил я.

— Ну...

— Положительный персонаж, так?

— Ну, да, в общем...

— Так вот, именно он — самый первый тиран и есть, который вверг нашу страну в кровавую междоусобную бойню, где не жалел ни крестьян, ни рабочих, ни женщин, не детей. Не говоря уж о том, что уничтожал образованный класс, интеллигентов и церковь.

— Так, что правы были белые, выходит?

— Ну, как тебе сказать?.. У них тоже были свои заморочки. Все же царизм исчерпал себя, нужно было давно отменить крепостное право, дать работающим людям свободу, а царь занимался собой, да евангельское движение в России уничтожал... Вот и получили большевиков — шайку бездельников без совести и жалости к людям. А впрочем, что я тебе тут свои мысли об истории излагаю? Сам увидишь, будешь открывать для себя погубленную Россию и о многом задумаешься: кто мы и зачем живем, и что с нами будет?..

— И кто мы?

— Это уже другая тема, — улыбнулся я и подумал, что очень уж я сразу «загрузил» свое я. Ведь это для меня история является уже давно обдуманым и выстраданным фактом, а для него все это звучит, наверное, как очень странное мнение какого-то антисоветчика, не больше... — Пошли пить чай!

Мы встали и пошли на кухню.

— У тебя богатая кухня, — заметил он. — И вообще квартира ничего так себе обставлена...

— Да, слава Богу, — согласился я. — Но были, знаешь, такие времена, что мы жили в ужасной нищете, есть было нечего, работы не было, полная неустроенность. Но со временем все устроилось как-то. Хотя это мне повезло, я так считаю.

— Да... — протянул молодой. — Слушай, а ты все, что я мечтал сделать, сделал? Как у тебя с этим?

Он посмотрел на меня своим светлым взором... и тут я понял, что настала его очередь атаковать...

— Ну, как тебе сказать? — замялся я. — Наверное, ты слишком много намечтал сделать... Не справился я.

— Как это? Что значит «много»? Почему не справился?

— Не знаю. Реальность показала, что я не такой уж и гениальный человек...

— Брось! — возмутился молодой. — Гениальность мы делаем сами! Если ныть, то и будешь сидеть как все и со всеми. А если делать, то делать так, чтобы у самого дух захватывало от своей гениальности!

— Это так. Но жизнь такая, что нужно думать и о реальности.

— О какой еще реальности? У нас есть дар, талант и его надо выплескивать на людей, иначе умрем, так ничего и не сделав на этой земле!

— Ты прав, — согласился я. — Но понимаешь, когда есть семья, есть жена, дети, тут уже не будешь заниматься творчеством сколько тебе захочется, тут будешь думать о деньгах, чтобы заработать на еду!

— Творчество — это же просто потребность души, это как дышать. Тебе за дыхание тоже не платят? Чего ты тогда дышишь?..

- Ох, брат... — потупил я взор.
- А кстати, что за жену я себе выбрал, расскажи?
- Ну, как тебе сказать... — замаялся я. — Женщина во всех отношениях положительная...
- Ты давай без цитирования нашего папы!
- Да кто ее знает? Женился, думал выбрал правильно, вроде ладили, любили друг друга... — я посмотрел на него. — Подожди, да ведь ты же еще будешь жить в браке и считать возможным секс без брака! Так?
- В смысле? — смутился он.
- Так вот. Ты, если я не ошибаюсь, уже бросил свою первую любовь, пошел искать вторую, потом будешь искать третью, ты растратишь себя на всю эту ерунду, и у тебя уже на жену не останется вообще никаких чувств. Дырка в душе, огромная пустота! Это ужасное чувство, брат! Я думал, что такого быть не может, что еще чуть-чуть и эта дыра зарастет, я ее чем-то заполню и буду как раньше, в детстве, радоваться жизни и общению с людьми... А этого не происходило, все становилось только хуже и хуже. И с любовью нельзя играть. Расплата такая, что врагу не пожелаю... Так нет — тебе казалось, что чем больше женщин у тебя будет, тем ты окажешься круче и авторитетнее. А это не так. Любовь дается для жизни в браке, а не вне. Все это, в конце концов, иссушило твою душу! И ты еще спрашиваешь меня про жену?
- Молодой молчал.
- Ну, чего? — продолжал я. — Мне «угораздило» уверовать в Бога, Он заполнил мне эту пустоту, дал мне силы. А жена этого не поняла. Чужими мы живем, короче, — и я залпом выпил остаток чая, как будто это был спирт.
- А где она?

— Сейчас у своих родителей. И дети там же. Любят маму...

— А что у тебя с уверованием-то? — спросил тихо он. — Ты в самом деле теперь веришь, что есть Бог? Чего это ты вдруг?

— Да, в самом деле верю. Я как услышал, в чем заключается смысл Евангелия, зачем умирал Христос и что спасение — только верой... Я с такой радостью покаялся, это как я вернулся к своему Отцу! Ты понимаешь? Вот та черная пустота внутри, что гложет и не дает спать спокойно — вот она-то от того, что там нет Бога! Достигаешь точки, когда с этой дырой жить уже невозможно, а новые и новые твои грехи только углубляют ее, она уже как ржавчина, проедает тебя всего, ты уже чувствуешь, что еще немного, и тебя прежнего, тебя доброго, того самого, о ком ты знаешь, какой ты настоящий, а не внешний, не для людей вокруг, что этого вот тебя скоро вообще не станет за массивом грязи и приспособленчества! «Будь как все», «Бери от жизни все», — это лозунги для того, чтобы красиво подписать надгробную плиту на твоей могиле! Когда это понимаешь, когда ужасаешься этому, тогда вот и начинается твое пробуждение, твое воскресение к вере, к настоящей жизни. А эта жизнь открывается только в Боге и никак иначе. И слава Богу, что Господь дал мне такую возможность уверовать и залатать эту дыру!

— И как, с тех пор у тебя все хорошо?

— Сначала было очень хорошо. Я летал, я любил весь мир, всех людей, стал добрым, все мне открылось в новом свете, я стал счастлив...

— Ну, а сейчас?

— Сейчас сложнее... Тебе, наверное, это не полезно знать. Тебе нужна жизнь, жизнь свыше, а у тебя ее пока нет вообще никакой. Так что я не знаю, нужно ли тебе рассказывать минусы? В це-

лом-то христианство — это жизнь с избытком, это радость, это полнота. Без нее вообще невозможно жить...

— Но ведь память-то мне сотрут... — резонно возразил я молодой. — Так что рассказывай.

— Не знаю. Мне казалось, что это счастье будет всегда, что Бог будет мне помогать во всем, и все будут от меня заряжаться этим счастьем, все уверуют. Все, кто мне дорог, все уверуют тоже, и мы будем счастливы, будем строить новую христианскую семью, новую общность и так далее. Но оказалось, что это все нужно только мне, а другим на это наплевать и на меня наплевать, на то, что я чувствую, на то, что дал мне Бог, из чего Он вытащил мою душу. Им не понять этого, и это нельзя рассказать, я сам себе не могу рассказать, что со мной было, какой это был мрак — жить в неверии, как это было пусто и одиноко. Начинаешь рассказывать, они не верят, смеются, крутят у виска и все такое... Устал я. Так все надоело, скорее бы Он меня забрал...

Я отвернулся к стене, пытаюсь незаметно уничтожить слезу.

— Кто забрал? Куда? — не понял молодой.

— Бог — к Себе... Хватит уже. Мне кажется, что если я тут еще немного поживу, я такого напортачу, что Ему меня уже забирать не надо будет... В другую сторону уеду...

— Какие-то у тебя суицидные мысли, дружище! — недовольно пробурчал молодой я. — Вроде бы должен уже быть сильным и закаленным, а ты все ноешь. Не годится, слушай. Тем более, я вообще не понимаю, если ты теперь верующий и веришь, что будет жизнь после смерти, то, вообще, какая разница, как тут на земле живется?..

— Да, ты прав, — согласился я. — Это ты точно отметил про жизнь вечную. Только забываешь

иногда про эти истины, хочется, чтобы и на земле можно было пожить по-человечески. Ведь и ты не жил же полной жизнью, согласишься? Сколько болел, вспомни, в больнице лежал...

— Зато я много всего прочитал, научился фантазировать, творить, сочинять, чего другие люди лишены и не находят для этого времени.

— Ну, так, да. Бог все использует нам во благо. Но ведь, согласишься, что есть ощущение, что жизнь вокруг идет сама по себе, а мы где-то в стороне от нее? Есть ощущение, что моя настоящая жизнь будет впереди, а тут ее нет и не может быть для меня.

— Есть такое ощущение. Но я верю, что у меня-то что-то будет впереди. Или не будет? Да как не быть? Ведь вон сколько всего произойдет!

— Да будет, все будет. Только настанет момент, когда ты поймешь, что слава, творчество — это большущая ерунда, что никому это не нужно, и в глобальных масштабах Вселенной твое творчество ничего не значит и не меняет!

— Ты стал противником творчества?

— Да нет, — осекся я. — Просто оцениваю его на своем месте, а не на первом, куда ты его незаслуженно затолкал...

Тут я подумал, что изрек очень уж негативную информацию... Какой же я иногда бываю злобный... сам с собою. Главное же — казаться успешным и неунывающим, посторонних, особенно, неверующих людей, которые очень пристально, как судьи, всматриваются в мою жизнь, пытаюсь злобно увидеть любую мелочь, любой недостаток, ошибку, за которую они могли бы зацепиться и с чувством глубокого удовлетворения произнести сакраментальное: «А еще верующим называется...»

— Одно время мне не хотелось творить вообще! — сообщил я моему гостю. — Разве я могу сделать что-то лучше того, что сделал Бог и что дал записать Своим пророкам? Рухнули мои прежние установки, что искусством я сделаю себя великим и знаменитым. Оказалось, что это мне неинтересно, не нужно, не радует так, как ты мечтал. Но потом спокойно, когда я уже смирился, что я не гений, не мэтр, вдруг на меня повеяло вдохновением, я увидел, что хочу изобразить какую-то мысль, которая мне кажется очень важной и необходимой для мира, и я ее взял и запечатлел! Потом показал это другим, им понравилось. И я стал творить. Но по-новому, на других основаниях, зная свое место и место искусства. И это намного интереснее, по большому-то счету... и более здраво, если хочешь.

— Интересно... — после долгой паузы сказал я молодой. — Так я не понял, как мне считать: я буду что-то значить в этом мире или нет?..

— Скажу прямо: в том смысле, в каком хотел ты — нет, не будешь. Но в другом смысле, в новом, ты будешь значить, потому что, ты же знаешь, я не могу ничего не делать в этом мире и не проявлять себя. Хотя проявляться не очень-то будут давать. Будь готов к этому.

— И что это за смысл?

— У Бога нет ненужных людей. И если уж ты обратишься к Нему, Он даст тебе твою работу, твое новое служение. И, как христианин, ты станешь служить Ему, сражаться с этим миром лжи и зла на стороне Абсолюта. Несмотря ни на что, даже на непонимание тебя твоими же братьями по вере... То, что я тебе рассказываю, оно важно, прежде всего, для меня самого. Может, Господь послал тебя ко мне, чтобы я эти мысли сформулировал и начал по ним наконец-то жить, и перестал бы сидеть балластом в церкви, ожидая, когда мне мило-

стивейше позволят что-то сделать... Если есть уверенность, что мое дело от Бога, то я обязан это делать!

— Я рад, что смог оказаться тебе полезным! — улыбнулся молодой. — Ну, мне пора. Много ты всего мне тут сообщил, даже не знаю, что я из всего этого вынесу...

Я проводил себя до двери.

— Главное, ты теперь знаешь, что, по крайней мере, через 20 лет ты будешь еще жив, — пошутил я. — Нет, пожалуй, самое главное, что я хотел, чтобы ты запомнил и отложил где-то у себя в подсознании или еще где-то — это что есть Бог, Который любит тебя, к Которому ты все равно придешь, и Он будет хранить тебя. Слушай Его, Он будет с тобой, это я точно знаю. Я это сейчас вижу, глядя в прошлое. Никогда не думай, что все вокруг ужасно и безвыходно, хотя такие моменты у тебя будут. Все пройдет, все будет сложено для того, чтобы ты пришел к вере в Него, стал спасенным...

— Я постараюсь! — улыбнулся молодой я. — Ну, счастливо! Тоже не унывай, а то, что у нас там будет впереди — кто скажет?..

— Хорошо! — пожал я себе руку и посмотрел, как я легко скачу вниз по ступенькам.

Я прислонился лицом к дверному косяку и прошептал: «Господи, спасибо Тебе, что Ты дал мне это утешение, эту встречу, что я почувствовал Тебя, понял очень важные вещи... Дай мне быть Твоим верным служителем и орудием!»

Я зашел в свою квартиру, осмотрел обстановку. Вот тут сидел я молодой... Какое впечатление произвел я сам на себя из той, советской эпохи? Могу ли я честно сказать, что делал все, как мечтал, правильно и всегда по совести? Что живу так, как я верю?..

Выйдя на балкон, я ощутил прохладу космоса, ветра, звезд, всего мироздания... Все это сотворил мой любящий Отец — Бог... Это Он спас меня, это Он хранил меня в моем неверующем прошлом, это Он дал мне веру, это Он дал мне силы противостоять давлению и вражде окружения, это Он дает мне сегодня укрепление в моем следовании за Ним... Он дает мне будущее! Дает мне целую вечность. Спасибо Тебе, Господи!

— Привет! — услышал я голос сбоку.

Я повернул голову. С соседнего балкона на меня смотрел какой-то человек в белой одежде.

— Не хотите ли съездить в будущее? — спросил он.

— К себе? — догадался я.

— Да.

— Он тоже нуждается в моей помощи и ободрении?..

— Конечно, — улыбнулся человек. — Условия вы знаете. Летим в будущее, а при возвращении стираем память. Согласны?

— Согласен, конечно, — улыбнулся я. — Мне самому интересно, каким я буду через 20 лет...

— С Богом!

И вот я стою с перехватывающим мое горло дыханием, показываю свою правую ладонь и говорю седому человеку:

— Это вы, Иван Михалыч Дыбов?.. Здравствуйте, я — это вы!

ПОСЛЕДНЯЯ ПЕСНЯ «СТРЕССА»

— Нет! — потрянул своей волосатой головой Бухало, вытаскивая ее из петли, — надо еще стопочку вмазать...

Он слез с табуретки и, шатаясь, проковылял к подоконнику, где стояла недопитая бутылка водки. Тут внезапно раздался сильный треск: это кто-то вышиб дверь ногой.

— Совсем с ума сошел? — взревел бас-гитарист по кличке Чирик.

Бухало попробовал было что-то сказать насчет явной наглости своего друга, но тот спорить почему-то не стал, а напротив, сильно двинул кулаком Бухале в челюсть, отчего тот сразу прямо тут, на грязном полу гостиничного номера, уснул между окурками и клочками порванной бумаги, на которых виднелись его «гениальные» каракули.

— Нет, за талантами нужен глаз да глаз! — выдохнул озабоченно Чирик, присаживаясь на койку.

...Так закончился один из обычных вечеров лидера рок-группы «Стресс», гитариста и автора текстов Бухало. Это была его кличка, под которой он был известен всей России, безусловно фанатевшей от магнитофонных записей и живых концертов его группы.

— Где я?.. Опохмелиться дайте! — пробормотал утром наполовину проснувшийся Бухало.

Приоткрыв опухший глаз и глотнув из бутылки, он узрел оным всю свою группу, сидящую на соседней койке.

— Проснулся, гений ты наш? — усмехнулся Чирик, покачивая головой, мол, видите, ребята, как нехорошо усердствовать в гулянии.

Посыпались и еще какие-то советы и шутки, но Бухало был занят всецело внутренними переживаниями и процессом осмысления таковых.

— Песня не получалась, братцы, — поделился вдруг Бухало своим горем, — крапал, крапал ее вчера: не идет, проклятая!

Группа друзей добродушно посмеялась. Убедившись, что их друг вешаться больше не будет, они тактично удалились, оставив Бухало наедине с его мыслями о бытии всего сущего и с пришедшей на его имя телеграммой.

— Вчера пришла! Слава Богу, успели тебе передать, а то ты точно составил бы своей бабушке компанию!

Бухало не услышал подвоха, читать телеграмму ему не хотелось. Мысль, что это опять соседи его бабки просят для нее денег, раздражала до озлобления. Поэтому, свесив дохлые ноги с кровати, Бухало подобрал один из своих скомканных листков, исчирканный им вчера, развернул его и прочел, вспоминая вчерашний свой ход мыслей:

*«Когда-нибудь меня, как всяк живого,
В последний раз жестоко обкрадут,
И я умру, и не вернусь уж снова
К той жизни, я навеки пропаду!»*

— Во, я забрался вчера в дебри! — ужаснулся Бухало. — В загробный мир потянуло... С чего бы это?

Рука потянулась к гитаре, но на ней все струны были кем-то порваны и завязаны морскими узлами. Если бы Бухало никогда не служил на флоте, то подумал бы, что это дело рук кого-то другого.

— Да, опечалился, видно, я вчера, — догадался он, с досадой отбрасывая испорченный инстру-

мент. — Конечно, есть отчего! Жизнь — отвратительная штука!

Закурив вонючие сигареты, Бухало расплакался, жалея самого себя, несчастного.

— Для чего это все? Сочиняю, душу выворачиваю, ору этим пьяным мальцам на концертах, да тусовках... И что? «Бухало — молодец!» «Бухало, давай!» А жизнь проходит, мне тридцать, помру скоро... кошмар!..

Бычок больно обжег пальцы, и дым резко полез в правый глаз, отчего Бухало злобно выругался.

— Надо отослать пару миллионов бабе Наде, — вспомнив про телеграмму, рассовестился он, — а то чуть вчера с деньгами не ушел в мир иной!..

Содержание телеграммы, однако, быстро протрезвило Бухало. В ней говорилось: «УМЕРЛА БАБА НАДЯ ПОХОРОНЫ 22 ПРИЕЗЖАЙ СОСЕДИ».

— Баба Надя умерла, — повторил он, ощущая трассы и линии тока по всему телу.

Его бабушка Надежда Павловна, его любимая бабуля, которая была ему вместо отца и матери все его сопливое детство, у которой он жил все время, пока не уехал учиться, которая научила его читать, петь и сочинять стихи, и вдруг умерла!..

Бухале стало страшно, как будто его бросили. Вчера еще он мог бы отправиться вслед за ней на тот свет, а сегодня — она там, а он — тут, в захолустном городишке с какими-то глупыми концертами под девизом «Рок против вампиров и оборотней»...

— Не взяли! — с ужасом догадался он, глядя в окно на облака. — Меня-то и не взяли!.. Почему?

Как всегда в последнее время, и на этот раз обдумать смысл жизни не получилось, и Бухало начал собираться в дорогу, ибо в это утро на календаре было уже 21-е число. Недовольно сопя и громко икая, ребята из рок-группы отпустили Бухало хо-

ронить его бабу Надю, наказав, чтоб 24-го он, как штык, торчал обратно здесь трезвый и неповешенный.

В поезде ехал он усталый и весь опустошенный внутренне. Купленное им пиво не пьянило и настроение не поднимало. Соседи по плацкарту опасливо косились на волосатого парня в кожаной куртке с цепями и в рваных джинсах, пряча свои вещи под подушку от греха подальше. Однако Бухале не нужны были чьи-то шмотки или деньги, которых у него самого хватало с избытком. Бухало сидел молча, глядел в окно и ничего не понимал в окружающем мире. Поезд тем временем мчал и приближал его к до боли знакомому городу бабы Нади. Сколько раз он собирался приехать сюда, сколько раз видел себя во сне едущим к бабушке. Но разные дела, новые интересы и знакомые высмеивали такое его «детское» желание. Все оставалось по-прежнему.

— Костенька, миленький, приехал! Слава Тебе, Господи! — встретили соседки Бухало во дворе бабушкиного дома, назвав его настоящим именем. — Мы знали, что ты приедешь! Проходи, родимый.

Расталкивая незнакомых ему людей, Костя-Бухало прорвался через узкий коридор в гостиную, где сразу оказался перед гробом, стоявшим на письменном столе. В нем тихо лежала маленькая старушка со светлым лицом, выразившим покой и счастье. Это была Надежда Павловна, его родная бабушка, которую он не видел уже лет 15...

«Ушла, — мелькнуло в голове у Кости, — навсегда, навечно. Не подождала!..»

Слезы брызнули из глаз, Константин грохнулся на колени у гроба и заорал хрипатым пропитым

голосом, полным боли и тоски, не боясь его сорвать:

— Ба-буш-ка!!! Останься! Это я! Ба-ба!!!

Его кинулись было поднимать, чтобы увести, но чья-то рука их опередила, легко опустившись Косте на плечо.

— Ей там лучше, у Господа-то. Не убивайся так напрасно, — промолвил хозяин руки, — чай, с Богом представилась, сердешная.

Неожиданно и слова и рука успокоили Константина, как будто все стало вдруг ясно и понятно.

«Само собой, лучше, — подумалось ему, — а как же!»

Озаренный таким простым откровением, он, как ни в чем ни бывало, поднялся на ноги и отошел к стене, продолжая глядеть на лицо покойной. Лицо ее несколько не походило на те мучающиеся от агонии рожи, что изображались обычно рок-музыкантами, когда они разыгрывали сцены повальной смерти. Они, под грохот динамиков и визг публики, валялись и ползали по сцене, пуча глаза и высовывая языки, шипели и корчились в муках, словно предчувствуя холодный ужас смерти, ужас загробного мира, который не сулит им ничего хорошего... И также в конце они падали навзничь и долго еще лежали с застывшим в гримасе кошмаром. А лицо бабы Нади...

Тут ко гробу из общей массы людей выступил аккуратно одетый юноша и сказал:

— Братья и сестры! Давайте споем еще один гимн!

И все запели. Спокойно, без истерики, но красиво и чинно:

*«Встретимся ли мы с тобою,
Где святые все поют,
Где спокойною рекою
Воды чистые текут?»*

И припев:

*«Да, мы встретимся с тобою
Над чудною, над чудною рекою.
Там с неумолкаемой хвалою
Иисусу мы будем служить!»*

Константин засмутился, ретировался поскорее в уголок за спины поющих, и оттуда слушал, поражаясь новой для него мелодике.

*«Там, в сияньи над рекою,
Лик Христа мы будем зреть,
Кто на землю за тобою
Нисходил, чтоб умереть».*

Люди пели, излучая своими голосами какую-то странную добрую энергию, которую Костя еще не знал.

«Они встретятся с нею на том свете, — отметил он для себя. — Они не боятся смерти!..»

Пение закончилось, аккуратный юноша опять начал что-то говорить, зачитывая, видимо, из какой-то книги, но Константин уже рвался на улицу, на воздух, чтобы перевести дух, усвоить новые впечатления...

Во дворе он присел на лавочку, дрожащими руками начал прикуривать, чтобы успокоиться, но почему-то табачный дым не помещался внутри, никак не мог заглушить то непонятное доброе чувство, что появилось вдруг в груди. Из окна же снова доносилось стройное пение. Проходящая мимо женщина спросила у другой, стоявшей на балконе:

— Что там сегодня за пение такое?

— Да это Надежда Павловна померла, ее баптисты отпевают.

— Ну, да, она же из них была, из баптистов, верно, — вспомнила та и медленно поплелась по улице дальше.

Костя поперхнулся табаком и закашлялся.

«Баптистка! Вот это да! Баба Надя — баптистка!» — как громом пораженный, вскопчил Константин, потеряв бычок сигареты.

Его понятия о христианстве, а уж о баптистах и подавно, были более чем смутными. При слове «баптист» в мозгу у Константина рисовался образ забравшегося в землянку чудака-очкарика, вскрывающего себе (а еще лучше — другим) вены на руках или прибывающего доверчивых детей ржавыми гвоздями ко кресту. И вот его бабушка — баптистка! Ничего себе!

«Это они ее загубили, сектанты проклятые! — вдруг появилась откуда-то мысль в его голове, и он ринулся в подъезд с твердым намерением выгнать всех баптистов из квартиры, обругав их, конечно, предварительно.

Работая локтями, он пробрался опять через коридор в гостиную и, наполненный злобой, уже готов был начать обличение... Но тут...

— Костенька, ты сможешь погрузить гроб в машину? — спросила одна соседка бабы Нади, у которой он в детстве кланчил конфеты. — А то у нас братиков мало, тяжело больно.

— Конечно! — кивнул Костя и ощутил, что злоба куда-то мгновенно исчезла, как будто ее и не бывало там никогда.

Гроб выносили из подъезда и помещали в кузов грузовика молча. Константину было всю дорогу почему-то ужасно стыдно за свою недавнюю вспышку гнева. Хорошо, что этого никто не заметил, и Костя только сопел, прятал глаза и краснел.

За машиной с гробом все шло организовано и без плача. Церковь евангельских христиан-баптистов хоронила верную свою сестру, на что народ города смотрел издали и, видимо, немало удивлялся, не понимая, а что же среди них делает неких лохматый рокер с весьма помятым лицом.

Над могилой какой-то пожилой брат прочитал проповедь о Боге, о жизни вечной, которую даровал бабушке Иисус Христос Своей смертью и воскресением, о непременно встрече умерших христиан со своим Господом.

«А может быть, это все-таки их самообман? — думал Константин, слушая проповедника. — Может, они только сами себя успокаивают, что есть жизнь после смерти?»

Когда были произнесены «аминь» и «с Богом», и когда все начали расходиться, Костя горько заплакал, потому что ему стало очень обидно, что он остался теперь без своей родной старушки, а главное, что он не успел с ней чуть пораньше повидаться, поговорить о жизни, о смерти, да и о Боге... Много бы, может, разъяснилось тогда, кто знает.

— Дорогой друг, — послышался за спиной тот необычный голос, принадлежавший мужчине, что клал свою руку на Костино плечо.

Костя обернулся, ему очень хотелось наконец-то увидеть его, какой он, этот верующий баптист. Но перед ним стоял обычный человек лет сорока, разве что только с очень живыми и добрыми глазами.

— Понравилось тебе пение-то наше? Сестра Надежда Павловна все говорила, что ты музыкант какой-то там. Ты приходи к нам завтра. Еще, чай, послушаешь, чего там! Авось, сердце-то и найдет пристанище у Бога. Ну?

— А где? Куда?

— А вот слушай, — и он объяснил, как доехать до какого-то заводского дома культуры, где баптисты проводят свои молитвенные собрания.

Константин, долго думая в этот вечер, в конце-концов твердо решил идти завтра и... что-нибудь там решить.

И вот он, с горем пополам, разыскал этот полуразвалившийся Дом культуры, нашел того мужчину, который тут же усадил Константина на лавочку поближе к сцене. Не знамо отчего, у Кости затряслись колени и руки, будто он накануне кур воровал, а теперь все об этом знают...

Верующие тем временем медленно собирались в зале, приветствуя друг друга и целуясь: брат с братом, сестра с сестрою. Тут только Костя заметил существенную разницу во внешнем облике между собой и ими. Баптисты выглядели подтянутыми, ухоженными, но, в то же время, одетыми строго и чинно. Среди них Костя явно выглядел белой вороной. Хотя, если точнее, наоборот, черной вороной среди белых горлиц был он. Это тоже стало смущать Костю. Он бывал на многих подпольных концертах, на разного рода тусовках, пикниках и презентациях, но всегда и везде вполне вписывался в общий экзотический фон публики. Здесь же он казался явно чуждым элементом.

— Приветствую! Вы не Бухало из ансамбля «Стресс»? — вдруг спросил сзади кто-то из молодых верующих, прерывая его ход мыслей.

— Да, я. Ты что, знаешь? — удивился Костя.

— Конечно! — ответил молодой парень. — Я был раньше вашим поклонником. Слава Господу, что вы здесь! Я по вашим песням всегда видел, что вы тоже ищете смысл жизни, ищете Бога.

— Правда? — сконфузился Костя. — А ты тут давно?

— Год уже, как покаялся, и полгода, как принял водное крещение по вере! — ответил тот. — И совсем не жалею!

— Брат, давай не будем гостю мешать, — одернул своего приятеля другой парень и, обращаясь к Константину, сказал: — А вы сидите тут, не смущайтесь. Благослови вас Господь!

Два верующих парня улыбнулись ему на прощанье и ушли в другой конец зала, а Костя подумал: «Вот ведь, парень. Был моим фанатом. На концерты, небось, ходил, записи слушал. А избрал не «Стресс», а покой. Покой в религии... Странно!»

«Что же я такого пел-то год назад? — решил припомнить он. — Что же могло подвигнуть этого парня к вере? Может быть, это:

*«И был бы рай! Его, неужто ж, нету
За все невзгоды, что перетерпел?
Неужто зря топтал ногой планету,
И накопив, под землю залетел?..»*

А может, слова из такой песни:

*«Когда-когда с нас снимут эти цепи,
Когда откроют в душу ворота?..»*

...Кто знает, кто знает?»

Тем временем началось собрание. Опять Костю поражали христианские гимны, исполняемые просто, хором или в одиночку, безо всяких ритмических барабанов, порой вообще без аккомпанемента, но искренне и проникновенно. Молодые девушки читали звонкими голосами стихи о Боге. Несмотря на жару, они были почему-то везде одетыми и ничем непохожими на привычных Косте девчонок с дискотеки. Братья постарше произносили проповеди, зачитывая несколько стихов из Библии. К сожалению, больше половины из этих слов Костя никак не мог постичь своим умом. Силился понять, но не мог. Зато когда речь начинала идти о понятных жизненных вещах, Костин слух заметно оживал и начинал поставлять информацию мозгу.

— Взять хотя бы наших поэтов или музыкантов на эстраде, — говорил проповедник, явно вдохновившись присутствием здесь Кости. — Они мятутся душой, они страдают от несовершенства это-

го мира, а выход найти не могут! Есть ли вообще выход, братья и сестры? Как вырваться измученной душе на свободу? Как получить облегчение, прощение, хотя бы перед своей собственной совестью за грязные и отвратительные поступки? Ни в вине, ни в борьбе этого достичь нельзя! Невозможно!..

«Ну, вот, — подумал Костя, — никто не может достичь счастья. Значит выход остается все тот же — самоубийство?..»

— Человекам это невозможно! — продолжал проповедник. — Но невозможное человекам возможно Богу! «Все могу в укрепляющем меня Иисусе!» — говорит апостол. Слава Богу, и это так, братья и сестры! Бог дает этот выход! Бог дает облегчение душе виновного грешника! Бог через Иисуса Христа дает прощение! Веруй в Господа Иисуса Христа, погибшего за всех преступников, и получишь жизнь вечную! Получишь новое сердце, новую душу! Дух Святой успокоит и укрепит тебя!

Косте показалось, что он начинает что-то понимать в христианстве, в его сути и назначении, но все же не до конца. Поэтому после собрания, как объявили, что желающие задать вопросы могут подходить, Константин, сломя голову, ринулся к проповеднику, чтобы обстоятельнее прояснить свои мыслительные туманности.

Словно чувствуя ответственность момента, верующие уступили Косте и место, и время, и он обрушил массу вопросов и кучу своих нерешенных душевных проблем на проповедника, который, кажется, ждал их и знал наперед.

В результате этой беседы, иногда переходившей то в спор, то в проповедь, Константин наконец-то понял, КАК он может обрести то, что искал своей душой всю свою жизнь, КАК он может быть про-

щен и даже усыновлен Богом, КАК он может обрести жизнь после смерти в раю.

— А можно покаяться прямо сейчас? — спросил простодушно Костя, боясь не использовать неожиданно представившуюся возможность.

Все присутствующие опустили тут же на колени и стали вместе с ним молиться. Только он молился первый раз в жизни, а они — очередной. И все же, когда его молитва была завершена всеобщим возгласом: «Аминь», нельзя было понять, кто пролил больше слез — сам Костя или уже давно крещенные верующие. Все были счастливы и радовались воистину, как дети.

Константину на прощание подарили Библию и сборник христианских гимнов «Песнь возрождения», и он всю дорогу в поезде читал Евангелие, испытывая, непонятно почему, огромное наслаждение от простого чтения этой великой Книги.

Событие это перевернуло весь внутренний мир Константина. Вдруг он стал абсолютно счастливым, чего с ним никогда прежде не бывало. Сразу после этого он почувствовал мощный прилив сил жизни, любви и добра, которые наполняли его теперь с избытком, выплескиваясь невольно наружу к окружающим его людям, ко всей природе, ко всей Вселенной. Впервые Костя почувствовал Бога, ощутил Его реальное присутствие, Его дыхание, Его любовь. Теперь множество вещей и событий в мире приобрели совсем другой, свой истинный, ранее скрытый смысл; они стали понятны только в этом новом свете, появившемся в душе после ее обращения к Богу.

К своей рок-группе 24-го числа Константин прибыл уже совсем иным человеком.

Как назло, ни Чирик, ни другие музыканты не смогли тут же рассмотреть в Бухале этих перемен,

не говоря уж о том, чтобы выслушать его свидетельство об обращении к Богу. В этот день рок-группа «Стресс» страшно укушалась на каком-то местном банкете, и, по приезде их лидера Кости, что называется, лыка уже не вязала.

Первое, что сделал Костя, когда вошел в свой номер, — навел полный порядок, вымел все окурки и бутылки, вымыл чистой водой полы, заправил койку и разобрался в своем чемодане. Огромный ворох ненужных бумаг, журналов и разных вещей, и побрякушек был в этот вечер безжалостно выброшен в мусоропровод. И в этой очищенной свежей комнате Константин с удовольствием встал на колени и... молился, молился, молился. Он открывал свое личное общение с Самим Богом, Творцом неба и земли, открывал общение, которого он интуитивно всегда ждал и которое одно только и могло быть ему теперь самым дорогим на целом свете.

На следующий день в номер ворвался Чирик и проговорив: «Собирайтесь быстрее, едем», — быстро исчез обратно за дверь, и далее слышались только его грузные шаги по гостиничному коридору. Он побежал будить остальных.

Пребывая в невероятной радости от общения с Господом, Костя сам не заметил, как вместе с группой проехал на автобусе через весь город, как они вошли в служебное помещение под трибунами стадиона и как он оказался перед широко раскинувшимися трибунами со зрителями, да еще с электрогитарой в руках.

— Вас приветствует крутая рок-группа «Стресс»! У-вау! — громко рявкнул в микрофон местный конференсье — какой-то бизнесмен. Тут только Константин неожиданно очнулся и вдруг увидел, где он, собственно, находится.

— О Боже! Во имя Твое! — закрыв глаза, произнес Костя, внезапно испытав отвращение ко всему происходящему.

Загрохотала музыка, оглушая стадион. Зрители запрыгали, закричали, замахали какими-то тряпками. Костя по-привычке коснулся струн, издав режущий воздух аккорд, и замер... Он подумал, что гитара звучит ужасно плохо, и ему даже показалось, что ее звук, или то, что сидело в этом звуке, хочет убить ощущение счастья и Божьего усыновления, которое имелось теперь у него в сердце! Почти реально, почти живьем Константин вдруг увидел как бы встающего откуда-то из усилительных колонок, из толпы фанатов самого духа тьмы — сатану! Подобно дыму, он поднимался вверх из земли, злобно подмигивая и ехидно скалясь в дьявольской ухмылке. «Ну-ка, мол, давай, сбаци мой песенки, Бухало!»

— Ты чего, уснул, Бухало? — крикнул Чирик.

— Я не Бухало, я Константин! — тут же крикнул ему в ответ Костя и, воспользовавшись замешательством команды, прильнул к микрофону и на весь стадион прокричал: — Я буду теперь петь другие песни!

Фанаты радостно забесились: «Давай! Бухало! «Стресс»!..»

Константин провел было по струнам, но, услышав опять этот неестественный звук, резко повернулся и сильно пульнул свою электрогитару за кулисы сооруженных для концерта декораций.

«Что делать? Что им сказать?» — неслись мысли в его голове, а дьявольский дух, казалось, посмеивался:

— Ну, чего ты буянишь? Не бузи, не то хуже будет!

Все смотрели на маленького человечка в центре огромного стадиона, ожидая его дальнейших выкрутасов, какие он обычно себе позволял раньше.

— С ума сошел, гений поганый?! — злобно прорычал Чирик.

На секунду Константин испугался, заметался взглядом по лицам музыкантов и омоновцев, отчего пот покрыл его с ног до головы. Но уже в следующую секунду великая сила поддержала Костю, дала ему внутреннюю уверенность и Свое благословение. «Это Бог!» — подумал он и, закрыв глаза, смело запел выученный им накануне христианский гимн:

*«От греха я спасен,
В Божий мир водворен,
Сердцем верую я в Иисуса!
Он покой мне дает,
Снял с души всякий гнет,
В Сына Божия верую я!*

*Верю я! Верю я!
Сердцем верую я в Иисуса!
Верю я! Верю я!
В Сына Божия верую я!..»*

То ли пел Константин хорошо, то ли публика не поняла, в чем дело, то ли это Сам Господь стоял за словами гимна, в общем, так или иначе, но все слушали, даже в самом начале хлопали в такт, ибо Костя пел совершенно непривычно для себя «а-капелло», то есть безо всякого сопровождения. Закончив петь, он сказал:

— Я уверовал в Бога! Я не буду больше петь свои старые вещи. На все вопросы, что были в моих песнях, я нашел ответы в Иисусе Христе! Это правда! И вы найдете все свои ответы тоже только у Бога!

Расслышав, стадион загоготал. Послышались свист и крики. Было очевидно, что молодежь при-

шла на стадион получить допинг от оглушительно-го ритма и рева ансамбля и начинала злиться, что этого до сих пор еще не получила.

— Слышите! Только Бог спас меня от самоубийства и пьянства, простил мне все мои грехи! Бог! Я не знаю, что вам еще говорить. Веруйте во Христа! Не верьте, что христиане — ограниченные, фанатичные люди. Это неправда! Я только теперь и свободен! Я с Богом! Благодарю Тебя, Боже! — он поднял свои руки к небу и, открыв глаза, не увидел уже того духа, владевшего этим стадионом. Наоборот, казалось, Сам Господь говорил Константину:

— Я с тобой! Это наша с тобой победа! А теперь возьми крест свой и следуй за Мной!

В это мгновение Константин ясно и на всю жизнь отчетливо увидел цель своей жизни, сам смысл своего существования.

— Да, Господи! Я иду за Тобой! — ответил он от всего сердца подобно апостолам и, подобно им, бросил все, бросил пышущую злобой рок-группу и публику, побежал вон со стадиона, чтобы следовать теперь за Христом, за Ним одним, по пути к жизни вечной, к вечному небесному Иерусалиму!

КОГДА УСЛЫШИТЕ ГЛАС ЕГО...

Один богатый человек, как сейчас говорят, «новый русский», по имени Семен, очень много задолжал одной банде, которая ему сперва покровительствовала, а потом стала диктовать свои условия.

— Смотри, браток, — грозили они ему ежедневно, — не выступишь должок или попытаешься смыться, мы тебя везде достанем и вечным рабом сделаем, а то и прикончим. Понятно, да?

В ответ Семен что-то дипломатично мямлил, льстил и заговаривал зубы. Но проблема оставалась нерешенной и решить ее не представлялось никакой возможности. Фирма разорялась, продукция потеряла популярность, два работника, прихватив огромные суммы денег, сбежали в неизвестном направлении, а знакомые банкиры почему-то ссуд больше не давали...

И поселился в сердце Семена страх, и такой цепенящий, что он не мог спать, боялся шума за окном, боялся звонка мобильного телефона, боялся выезжать из дома, везде ему мерещились киллеры и «братки» из банды. И самое ужасное, что просто парализовывало его настолько, что он мог сутками сидеть в кресле и дрожать, была неизвестность будущего, страх того, что должно случиться в скором времени. Семен понимал, что не сможет вечно отговаривать бандитов, и платить по счетам все равно придется...

Как-то он поехал, взяв с собой оставшиеся деньги, по делам в один из филиалов фирмы, и когда они подъезжали к зданию, вдруг увидел стоящие у подъезда «мерседес» и два «джипа».

— Стой! — взвизгнул Семен шоферу и покрылся тут же испариной. — Крути назад! Облава!

Они развернулись и поехали прочь оттуда. Дрожащими руками Семен потыкал в кнопки мобильного и вскоре услышал голос не секретаря, а руководителя «братков»:

— Сёма! Ну, ты где, друг? Мы тебя искать должны, что ли?..

Испугавшись, он вышвырнул телефон в окно и закричал шоферу:

— Гони! Гони!..

— Куда? — равнодушно спросил шофер.

Тут Семен подумал, что и шофер, может быть, в стоворе с бандитами и за деньги может сдать его местонахождение, а потому буквально затрясся:

— Останови, останови! Прямо тут, давай!

Машина остановилась. Семен вылез из машины и подбежал к дверце шофера:

— Митя, давай вытряхивайся тут. Я сам поеду, у меня... встреча, у меня... дела, короче!

— Когда мне появляться?

— Я сам свяжусь с тобой... Завтра или на днях. Покедова...

Семен вцепился в руль автомобиля и погнал по шоссе куда глаза глядят, подальше от страшного города и связанного с ним страха.

Но страх будто вселился внутрь Семена, там прекрасно обустроился и продолжал будоражить новыми и новыми холодными волнами. Семен петлял по дорогам, менял направление движения, сворачивал на редкие, малознакомые ответвления трасс, и в результате заехал в какую-то абсолютную глухомань, о которой даже не подозревал, что такая существует... Дома стояли деревянные, вокруг возвышался лес, никакой дороги поблизости не было, кроме той размытой грязью тропы, по которой он еле пробрался.

Он остановил машину у самого неприметного дома и осторожно высунулся из машины. Он понимал, что глупо ожидать встретить тут своих знакомых бандитов, но привычка к осторожности давала о себе знать, и он судорожно озирался по сторонам, держа руку на газовом пистолете в кармане.

Тут на дороге между домами показался парень в тулупе. Он увидел машину Семена и остановился.

— Слышь! Тут снять комнату нельзя никак, а? — крикнул ему Семен, продолжая быть наготове.

— Пожалуйста, идемте в мой дом, ради Бога, приму с удовольствием, — ответил добродушно парень.

Семен вытащил из машины свой дипломат и пошел за парнем в дом.

— Располагайтесь, — сказал парень, когда они вошли в дом, — вот в этой комнате вполне можете жить. Ежели чего надобно, скажите, подсобим.

— Ага, спасибо. А что, в деревне вашей народу много ли?

— Да немного. В основном старички остались, да мы, местные. Тут у нас церковь наша, потому здесь находимся, и из соседних сел братья приезжают.

— К-какие т-такие «братья»? — испугался Семен.

— Во Христе мы! — улыбнулся парень. — Деревня наша верующая, слава Богу, хотя таких уж мало на свете осталось, наверное.

— И в кого верующая? — все не мог прийти в себя Семен.

— В Господа нашего Иисуса Христа, Спасителя всех людей. Евангельские христиане-баптисты мы, живем по Библии, вот.

— А... — вздохнул Семен, — сектанты, значит. А в жертву вы меня не принесете?

— Жертва-то должна быть чистая! — засмеялся парень и добавил: — Жертвой за вас, как и за всех людей, был Иисус Христос, и этого вполне достаточно.

— Как так?

— «Все согрешили и лишены славы Божьей», — написано в Библии, а потому никто из людей не может своими силами стать хорошим для того, чтобы примириться с Богом и получить прощение грехов и жизнь вечную. И вот смерть Иисуса Христа, Сына Божьего, Бога, и была тем самым, что позволяет людям получить прощение и быть спасенными. Вы слышали о Его смерти?

— Да, что-то такое, — припомнил Семен. — На кресте Его казнили так, а потом типа Он жив оказался...

— Воскрес! — поправил его парень. — И все это с Ним было для того, чтобы мы, грешники, могли быть прощенными Богом и стать Его детьми. Достаточно покаяться во имя Иисуса Христа и принять Его как своего Господа.

Семен задумался. Он никогда не понимал смысла смерти и воскресения Христа и вещи, которые так просто возвещал ему этот деревенский парень, были для него совсем новыми и совсем непохожими на витиеватые речи знакомого попа, который иногда приходил к ним в фирму освящать новую продукцию или очередное новое помещение.

Парень ушел работать в поле, а Семену оставил потрепанную кожаную книгу с заголовком «Новый Завет». Оставшись один, Семен довольный улегся на кровать с пестрым одеялом и стал читать книгу, в которой рассказывалось о Человеке, изменившем ход всей истории земли, Иисусе Христе.

Так Семен оказался в деревне христиан. Здесь никто не шумел, не было видно ни одного пьяного

или курящего, не слышно было, чтобы деревенские ругались или матерились. Все были чрезвычайно спокойные и уравновешенные, при встрече приветствовали друг друга братским лобзанием. Телевизоров ни у кого не было, кино тоже. Люди часто выходили на улицу и пели удивительно добрые песни о Боге, о Христе и Его любви к нам, грешникам:

*«Видишь Ты забот моих волну,
И даешь мне в сердце тишину,
Все желанья приношу Тебе,
Все мои источники — в Тебе!»*

В такой обстановке Семен мог часами сидеть в доме, гулять по лесу, отдыхать, читать и думать. Его словно вырвали из страшного мира, в котором он был так долго, и только теперь мог расслабиться и побыть собой. Хотя какой-то голос продолжал точить изнутри и говорить: «Долго тут не просидишь, они тебя найдут».

Наступило воскресенье, все жители села поспешили в дом молитвы на богослужение.

— Идемте с нами! — предложил ему парень, у которого он остановился.

— Ладно, пойдем, — согласился Семен, думая, что все равно уже не спит, — зачем же, собственно, сидеть в доме?

Они пошли по центральной улице деревни, наблюдая везде оживление и радостные лица. Парень со всеми здоровался, кивал головой находящимся далеко, приветствовал проходящих близко.

— Гостя ведешь? — спросил один мужик парня.

— Да, конечно. Знакомьтесь, это Валерий, очень благословенный брат, — представил он мужика. Семен охотно пожал ему руку.

— И что у вас на богослужении будет? — спросил Семен. — Надеюсь, служба недлинная, а то я долго стоять не могу, у меня плоскостопие, ноги

болят, и в спине радикулит просыпается от вертикального положения.

— В нашей церкви можно занимать и сидячее положение, — улыбнулся парень. — Будет проповедь и пение, и еще молиться будем иногда. Вы умеете молиться?

— Молиться? Так если поставлю свечку, то вот она и молитва. Или надо заплатить кому, чтоб за меня молились?

— Нет, вы сами лично молились Богу? Своими словами?

Семен задумался.

— Грешный я, куда мне...

— Ладно, идемте, Бог даст, Он вам Сам подскажет, как и о чем молиться, когда будет призывать к Себе.

— Как это?

— Идемте, сами увидите.

И они вошли в большой дом молитвы, который жители села сами построили из огромных бревен деревьев, сваленных недавним ураганом. Дом остался некрашеным, был просто хорошо обтесан и покрыт лаком, отчего выглядел эдаким сказочным срубом, переливавшимся янтарным светом на фоне зеленых деревьев окружающего леса.

Семена усадили на лавочку, как ему показалось, на самом почетном месте. Отсюда было видно и кафедру, и хоровую площадку, и надписи на стенах: «Бог есть любовь», «Мы проповедуем Христа распятого», «(Христос) есмь Путь и Истина и Жизнь».

Началось собрание. Все казалось необычным, потому что неправославные собрания христиан у нас не транслируют по телевизору, в кинофильмах не снимают, в книгах не описывают. Ходят в народе все время какие-то грязные слухи и домыслы, поэтому неудивительно, что Семен сидел и ждал,

когда все начнут плясать или еще что-то такое криминальное делать. Но этого так и не случилось. Верующие помолились своими словами, на нашем родном русском языке, затем спели вместе с хором чудесный гимн о Божьей любви. Стало хорошо и приятно на душе, светло и спокойно. Солнечные лучи пробились через окна и залили все внутри дома молитвы золотистым светом. Такое же почти сияние невидимым образом исходило и от сидящих вокруг людей. Вспомнилась старая русская поговорка: «Бог не в бревнах, а в ребрах».

Проповедовать вышел знакомый Семену мужик Валерий. Он открыл Библию и прочитал: «Ибо так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего Единородного, дабы всякий верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную. Ибо не послал Бог Сына Своего в мир, чтобы судить мир, но чтобы мир спасен был чрез Него. Верующий в Него не судится, а неверующий уже осужден, потому что не уверовал во имя Единородного Сына Божия».

Слова проповедника были простые и ясные. Он говорил о Христе, о Его деле на земле, о любви Божьей к нам, людям, о возможности всем нам быть спасенными и вечно живущими на небесах с Богом.

«Если я пойду и долиною смертной тени, не убоюсь зла, потому что Ты со мной; Твой жезл и Твой посох — они успокаивают меня...», — читал проповедник из псалмов Давида. И становилось ясно, что в Боге бояться чего-то нелепо, излишне, потому что Он будет хранить Свое дитя на различных поворотах земной жизни. И даже если предстоит смерть, то верующий уже спасен и имеет жительство на небесах, куда радостно и водворится после земной скорби и будет жить вечно. «Отче наш, благодарим тебя за это!» — рвалось из уст верующих, каждой души, причастной Господу.

Душа Семена, привыкшего к грубым разговорам, к жестким разборкам «по понятиям», растаяла, умягчилась, заплакала всеми своими фибрами, ей захотелось этого нового, доброго, вечного. святого, что витало в этом солнечном доме молитвы. «Вот она, благодать Божья», — пронеслось в голове у Семена.

«Во время благоприятное Я услышал тебя и в день спасения помог тебе. Вот, теперь время благоприятное, вот, теперь день спасения», — неслось с кафедры в зал, и Семен почти физически ощутил как его Кто-то зовет к Себе, Кто-то добрый и родной предлагает Свою руку помощи. Вот она, рука, вот оно, спасение, вот Он, Бог! Бери и ты спасен, делай шаг и ты счастлив...

Невероятным усилием воли Семен удержал себя на лавочке, тут же начал думать о том, что пока не готов становиться христианином. «Да чего это я тут, среди деревенских, буду каяться? Да как я тут буду жить? Чем заниматься? Мне еще надо деньги свои определить куда-то... Нет, вот доделаю дела и приду покаюсь, стану христианином, как они».

Тут же в голове Семена закрутились мысли о том, как бы он тут купил себе дом, огород, женился бы... Хотя от этих мыслей уже не веяло таким счастьем, как от проповеди, но Семен почему-то ухватился именно за них, начав представлять себя в новой ипостаси сельского бизнесмена...

За окном как-то потускнело, лучи солнца спрятались за облачка, и лишь верующие продолжали радоваться тому, что они имели во Христе. «Дорогие минуты нам Бог даровал, мы увидели братьев, сестер. А Господь дорогой с нами быть обещал...», — пели они.

Собрание закончилось, Семен вышел из дома молитвы и побрел в свое временное укрытие. Ощущения были смутные и противоречивые.

«Да, — подумал он, — надо обязательно будет как-нибудь помолиться. Это же так просто — сказать: “Господи, прости”, и все».

Он вытащил свой дипломат из-под кровати с пестрым одеялом и, открыв его, задумчиво погладил лежащие рядами пачки долларов. «На следующей неделе надо бы связаться со своими агентами, узнать, как там дела вообще», — подумал он.

Ночью спал Семен беспокойно. Снились какие-то разные вещи, страх снова пробирал его до мозга костей. Очень хотелось, чтобы у ворот домика стояла бы дюжина крутых ребят, вооруженная автоматами... Но никого не было, только ветер что-то шептал деревьям, отчего они плавно раскачивались и создавали ощущение какого-то всемирного движения за окном.

Семен выругался на бессонницу, повернулся на бок и начал заставлять себя уснуть. И организм, приученный к жестким установкам своего хозяина, вскоре подчинился, и Семен провалился в небытие сна...

Утром Семен проснулся рано. Он зевнул, медленно обулся и, шатаясь спросонья из стороны в сторону, выбрался на улицу. Было прохладно, по земле стелился легкий туман, скрывавший за своей пеленой дальние лесные массивы.

— Лепота! — произнес Семен.

— Лепота и есть! Стоять! — вдруг услышал он грубый знакомый голос сзади.

— Кто? — удивился Семен и обернулся назад. Сердце тут же ушло в пятки.

Позади его стояли два «братка» с калашниковыми, а рядом — еще трое бандитов.

— Хорошо заныкался, Сем! — издевательски улыбнулся главный бандит. — Но мы обещали тебя достать? Вот и достали. А ты бегать, дурачок, вздумал. Несерьезно это.

Все бандиты сдержанно посмеялись сквозь зубы.

— Я отдам долги, какие проблемы? — пролепетал Семен, борясь с начавшейся во всем теле дрожью.

Но бандиты уже ворвались в дом, где он спал, и вскоре вышли оттуда с дипломатом в руках.

«А мой газовый-то пистолет под подушкой остался», — мелькнуло в голове у Семена.

— Вот его баксы, пахан! — доложил бандит.

— Братва, — взмолился Семен, — это у меня последние! Не пускайте по миру, а?

— А мы и не пустим, — улыбнулся главарь. — Я же говорил, что ты рабом у нас будешь? Вот и собирайся, пора на работу.

Это Семену очень не понравилось, он насупил брови, оскалил зубы и попытался схватить свой дипломат: «Отдай!»

Сильный удар в живот отбросил его на траву.

— Ты что, не въехал еще, браток? — разозлился главарь.

Семен корчился от боли, пытался вдохнуть воздух, но воздух почему-то пропал, и он только и смог, что показать бандитам пальцами дулю, мол, не буду я на вас работать и все тут.

Главарь небрежно махнул рукой своим работникам, и те принялись пинать тело и голову Семена со всех сторон равномерно и методично.

«Убивают», — подумал Семен. В глазах все потемнело, дыхание сбилось, боль охватила все его существо. Стало вдруг нестерпимо страшно, что смерть пришла именно сейчас, и Семен невольно возмутился таким раскладом событий. Уже было жалко не свой дипломат с миллионом долларов, а собственную жизнь.

Один из пинавших достал свой пистолет и, напав на Семена, выстрелил ему в живот.

— Ах!

Острая жгучая боль сотрясла его, он разинул рот и судорожно схватился за рану.

«Надо срочно каяться!» — промелькнула мысль в голове. Но события наяву мешали ему сосредоточиться на мыслях о Боге. Сперва его мысли занимало обдумывание, каким образом зажать рану так, чтобы вылилось поменьше крови, потом тем, как бы не потерять подольше сознание и, наконец, как бы не перевернуться лицом в грязь. За доли секунд перед мысленным взором Семена промелькнула вся его жизнь. Детство с папой и мамой в обычной советской глубинке, школа, недостаток продуктов социалистического времени, первые спекуляции в школе дефицитными шмотками, затем фарцовка на рынках, армия с дедовщиной и продажей военного имущества тайком прямо со склада, перестройка с перепродажей компьютеров и нужными знакомствами, миллионы денег и бездарно проведенное время в бестолковых развлечениях... «Суета... все суета», — успел подумать Семен. Промелькнуло и воспоминание о недавнем солнечном богослужении, где у него был реальный шанс принять Христа, стать Его дитем, получить прощение грехов и жизнь вечную, и как он этим шансом не воспользовался...

— Мотаем, братва! — скомандовал главарь, приметив вдали двигавшихся в их сторону людей.

Семен открыл глаза и сквозь какие-то плавающие круги и пятна сумел разглядеть что-то черное и круглое, что вдруг возникло у его глаз, загородив собою весь обзор... «Что это?» В следующую секунду он успел сообразить, что это дуло пистолета, оно целилось прямо ему между глаз.

— Нет! — испугался Семен. — Как же так?

Тут раздался выстрел, все погасло и «картинка» перед глазами вдруг начала проматываться уже независимо от тела...

Бандиты поспешно попрытали пистолеты и автоматы, уселись в свои автомобили и уехали. Подбежали сельчане, парень в тулупе с искаженным лицом, проповедник Валерий. А Семен лежал на траве в луже своей крови и уже не дышал. Он умер.

— Не успел. Что же ты? — плакал парень. — Зачем не послушался Бога? Почему не пошел за Ним?.. Ты же видел, что Он тебя зовет, ты же понял это!..

— Видимо, не зря написано: «Ныне, когда услышите глас Его, не ожесточите сердец ваших», — грустно заметил Валерий. — Если бы это понимали все люди... Если бы понимали...

СВЯТОЙ БЕГЕМОТ

Кончилась свобода, я был призван в армию.

Было холодно, очень холодно. Мороз кусал уши и нос, пробирался под хэбэ и студил ноги, превращая их в ледяные столбы. Сзади раздавалось сопение и неприятное холодное дыхание стоявших в строю новобранцев.

— Степанов! — услышал я.

— Я! — ответил я, что есть силы, выдыхая клубы пара из своих легких наружу.

— Тамалиев!..

Переключка продолжалась своим чередом. Нас пересчитали и повели в казарму, где нам предстояло служить на благо родины. Идти было трудно, сапоги стали холодными и жесткими, портянки сбились и врезались нестерпимой болью в самую подошву. Мы шли мимо серых и мрачных одинаковых казарм, в которых каким-то зловецим светом подсвечивали тусклые лампочки аварийного освещения. Еще несколько минут и... мы в расположении своей роты.

Мы вошли в казарму, пробежали по длинному коридору, спеша к неизвестному, но казавшемуся нам намного лучшему, чем морозная и снежная улица.

Вбежав в роту, я увидел дневального, стоявшего у тумбочки и нехотя отдававшего нам честь, и толстого солдата с глупым выражением лица, который тоже стоял рядом, на некотором отдалении, но со шваброй в руках.

«Что это тут делает такой огромный верзила?» — мелькнула у меня мысль.

Вся рота спала. Во всяком случае, было невозможно разобрать что-то в бесконечной череде

двухэтажных кроватей, расставленных вдоль стен огромного темного помещения.

Нас стали распределять на ночлег. Кого — на верхний ярус, кого — на нижний, других через ряд, на другой стороне, у стены, у окна, и даже в самой дали...

— А есть еще место? — спросил шепотом лейтенант у дежурного.

— Не знаю, вроде бы нет... — смущенно пробормотал тот, заглядывая вглубь темной казармы.

Тут я осознал, что это мне не хватило места. Только мне одному. Ненависть тут же хлынула в мою голову. «Почему это мне не хватило? — неслись мысли. — Надо мне было растолкать всех и занять место! Что за ерунда?»

— А вы положите его на место толстого, — подсказал в конце концов дежурный. — Все равно он всю ночь дежурный!

— Где его койка? — прошипел озадаченный лейтенант.

Дежурный подошел к какой-то расправленной койке и показал на нее рукой:

— Здесь!

— Так, давай туда! — скомандовал мне лейтенант, довольный, что наконец-то отделался от всех этих скучных дел.

Я быстро разделся и также быстро залез под одеяло. И замер.

Прошли какие-то минуты, глаза стали видеть некоторые очертания, в том числе тумбочки и силуэты на верхних койках. Они изредка шевелились и кряхтели.

Входная дверь громко хлопнула. Сопровождавший нас лейтенант ушел.

— Духов привезли! — раздался ехидный голосок.

— Вешайтесь, зелень! — прохрипел кто-то с полным ненависти выражением.

Я лежал и прислушивался. Тут мне предстояло жить... Выживать. Меня забрали прямо из дома, просто позвонили в дверь, я не спросил: «Кто?» — открыл по наивности, и тут-то они меня и забрали. Запихнули в машину с вещами, которые я с перепуга успел с собой прихватить, и повезли в призывной пункт. И понеслось. Пятеро суток в какой-то пропахшей хлоркой школе, где мы спали ночью прямо на полу в спортзале, и шестеро суток в неудобном жестком сидячем вагоне поезда, умчавшем нас на самый край света, в какую-то абсолютную нереальную глухомань, за забор с колючей проволокой и звездами на воротах...

Я невольно расслабился... Все-таки столько времени без нормальной постели, а тут — какая-никакая, а простыня, и даже настоящая подушка под головой!

Вдруг одеяло с меня пропало, и я с ужасом увидел над собой чью-то омерзительную морду, которая с каким-то животным подозрением всматривалась в меня. Прямо в самого меня, словно хотела увидеть мою душу, мое нутро. Это какой-то солдат содрал с меня одеяло и явно что-то хотел спросить.

— Толстый! — брезгливо прорычала морда.

— Что? — спросил я, не понимая, зачем ему понадобилось будить меня и обзывать.

— Ты кто такой? — скривился обладатель морды.

— Рядовой Степанов! — отозвался я.

«Раз я в армии, то и должен называться по-военному», — рассудил я.

— А где толстый?! — взревел мордатый.

— Не знаю... — побарывая страх, ответил я.

— А!!! — заревела морда, разинув пасть, отчего я почувал из нее запах перегара. — Тогда ты! Живо за мной!

— Куда? — не понял я.

— «Куда»! — передразнил меня тот и, не успев я опомниться, как его сильная рука схватила меня за рубашку и с силой выкинула не только с постели, но и на самую середину прохода между койками. — Вперед службу тащить, зелень проклятая! Еще рассуждает тут!

Я попытался было встать, но почему-то моя коленка оказалась некстати ушибленной, и нога, на которую я оперся, подвела и... я снова неуклюже плюхнулся на пол.

Но обладатель морды тут же возник надо мной и, схватив меня за шиворот, поволок, как щенка, к выходу. Я и не ожидал, что меня так легко можно волоочь...

Почему-то мне это вскоре стало не нравится, я уже начал подумывать, куда бы вмазать этому наглому солдаперу и пусть будет, что будет... как вдруг... Мы столкнулись в коридоре у тумбочки с толстым солдатом, у которого от испуга аж швабра вылетела из рук.

— А, толстый! — взревел волочивший меня. — Ты где, гад, шатаешься?! Я тебя искать должен?! Ты опух, что ли?

В мгновение ока мордатый отпустил меня, я грохнулся на пол, а его рука уже летела прямо в лицо толстяка.

Бац! И шапка слетела с головы толстого на пол...

— Я убираюсь, — слышался тихий спокойный голос толстого, будто он и не заметил удара.

— Что?! — заорал мордатый, хватая его за грудки.

Он перевел свои злобные глазенки на меня и крикнул мне в лицо, брызгая своей отвратительной слюной:

— Те просто сказочно повезло! Благодарю Бога, что толстый нашелся! Понял? Бего-о-ом! Пшел отсюда!!!

Я встал и побежал в расположение, на свою койку. А мордатый куда-то повел толстого, и я слышал, как оттуда раздаются удары и гневные крики старослужащих.

«Чего он им не вмажет? — думал я. — Будь я таким большим, я бы их по стенам разметал, мерзавцев. А этот слон какой-то».

Я уже начал засыпать, как вдруг почувствовал, что кто-то шарит руками по одеялу на мне... Я поднял голову и увидел склонившегося над моей койкой того самого огромного солдата. От неожиданности у меня даже слов не нашлось.

— Это моя койка, — прошептал толстый.

— Меня здесь положили! — заявил я.

— Кто?

— Лейтенант.

Я ждал, что он будет делать. Неужели выгонит меня отсюда?

— Лейтенант? — переспросил он. — Ну, что ж... Тогда спи.

Я опарашено смотрел, как этот здоровяк разворачивается и медленно бредет от меня вдаль, в темноту. Куда он исчез? Но... меня это уже не интересовало. Я был рад, что остался непобитым и находящимся в койке. Через минуту я уже спал.

Так началась моя служба в этой части.

Потом я узнал, что толстый солдат носит дурацкую фамилию Бабахин, отслужил тут уже целый год, да еще и сектант какой-то. Отчего его иногда звали еще «жирным попом» или «святым бегемотом».

— Толстый! — донимали его старослужащие, когда мы все сидели и подшивали подворотнички. — Бога-то нет! Чо скажешь?

Он молчал.

— Толсты-ый, — не унимались они, — скажи, что нету Бога! Приказываю! Не понял, что ли?

Он молчал, только изредка смотрел на них усталыми глазами.

У него было странно доброе выражение лица. Глаза его выражали полное спокойствие, что бы ни происходило вокруг. Он никогда не злился, не обижался, но и не трясся от страха. На насилие и несправедливость реагировал всегда как на обыденное препятствие в его нелегкой армейской жизни. Максимум, что он проявлял: это удивление на странное насилие и несправедливость, которыми упивались старослужащие.

— Есть Бог, — отвечал он, когда вопросы начинали повторяться слишком часто.

Старослужащие резвились и начинали издеваться над Богом, верующими и всем святым, что только могли вспомнить и обсмеять. Тогда он хмурился, делал вид, что занимается своими делами, и не реагировал на вопросы к нему, пока кто-нибудь не толкал его и не бил. Тогда он поднимал глаза и с наивным выражением лица говорил, как ни в чем ни бывало:

— Есть Бог. Я в Него верю.

Все смеялись и косились на него. Ненормальный какой-то...

Я так и занял его койку. Несколько ночей толстый Бабахин спал в сушилке. Там его мы несколько раз заставляли еще спать, когда утром хотели взять деревянные лопаты для уборки снега.

— Толстый, подъем! — кричал кто-нибудь.

И еще кто-то обязательно пинал его, чтобы он проснулся.

Однажды я столкнулся с ним у умывальника. Был свободен один кран, и так вышло, что и я, и он подошли к нему одновременно. Я на секунду замешкался. Замешкался и он. Я посмотрел на его руки, в которых он держал свою зеленую мыльницу и зубную щетку с намазанной на ней пастой. Через секунду я решительно ринулся к умывальнику и с полным восторгом отметил, что обставил его.

«Вот тюфяк!» — промелькнула мысль.

Потом как-то обнаружили, что у рядового Бабахина нет койки в роте. Старшина роты прапорщик Коноваленко долго ходил перед строем и веселился:

— Бабахин! Тебе хорошо спать на коврике? Ты будку себе поставить не хочешь? А мы тут охрану ставим, дневальные у нас. Зачем? Положить перед входом в казарму Бабахина и нормально. Ни один бандит не войдет! Правда, Бабахин?

— Я не на коврике, товарищ старшина, — возражал он.

— Так на полу. Или на батарее. Вместо старых валенок, — упивался жертвой прапорщик, вызывая истеричный гогот всего строя. — Как там наши старые валенки? Все нормально, на них Бабахин спит. Или они — на нем. Все нормально. Ему там лучше, зачем ему койка? Он в боевом походе. Сушится...

Все просто умирали от смеха. Только Бабахин стоял и молча смотрел то на прапорщика, то в пол. «Чего он молчит?» — подумал я, и когда старшина отвернулся, показывая, как Бабахин молится Богу о новых валенках под голову для сна, я изловчился и пнул ему в задницу сапогом. Он пошатнулся, а все еще пуще засмеялись. И я тоже...

После этого вечером в казарму принесли еще одну одноэтажную койку, поставили у самого

края. На нее и положили Бабахина. Теперь его было легко будить, чтобы он мыл полы всем нарядам по роте.

Тем временем мы приняли присягу, нас распределили по взводам. Началась служба. С дедовщиной и нарядами, с драками и тоской по дому...

— А чего, Бабахин правда сектант? — спросил я как-то у командира нашего взвода, сержанта Петрова.

— Ага, — ответил тот. — Самый натуральный. Присягу не принял, оружие не берет, дурило. Чего только его в тюрьму не упрятали, а тут держат?

— А что за секта? — поинтересовался я.

В моем представлении секты казались крайне странными сборищами каких-то психически ненормальных людей, отвергающих все радости жизни: выпивку, девок, драки и рок-концерты.

— Баптист он, — ухмыльнулся Петров.

— Да уж, — протянул я. — Все они, значит, такие, как этот Бабахин... Ужас.

— Ага, только честным людям жить мешают! — возмущался сержант. — Тут мы его как-то, еще в начале его службы, завели в «ленинскую комнату» и давай гонять по религии вопросами всякими. Так он нам три часа мозги парил своими ответами... Вот балабол какой! В общем, бесполезно с ним говорить. Он все свое. Тупой какой-то. Ему говоришь, что Бога нет, что наука это доказала, а он опять — двадцать пять. Есть, говорит, и все... Ну, сектант, одним словом.

— Да... — протянул я.

Сержанта неожиданно вызвали, он убежал. Я тоже собрался выйти, тем более, что скоро должно было быть построение на обед.

— Не любишь сектантов-то, Степанов? — вдруг спросил меня стоявший все это время рядом ефрейтор, рыжий Жихарев.

Я аж смутился.

— Неа. А чего их любить-то? — вылезло у меня.

— Эх... — почему-то вздохнул ефрейтор. — А он, между прочим, мастер спорта по штанге был!

Жихарев многозначительно посмотрел на меня, направляясь к двери.

— Ну, и что? — не понял я, усмехаясь.

— Да ничего... — ответил он и, размахнувшись, отвесил мне сильнейшую оплеуху.

Неделю у меня правое ухо не слышало почти ничего... За что он меня ударил, я так и не понял. Рыжего ефрейтора я всегда уважал, он был веселый, рассказывал анекдоты, смеялся, никому не делал зла. Было обидно, что он почему-то разозлился на меня. Но так бывает в армии... Деда, старики, были, в общем-то, неплохие ребята. Просто они были старше призывом и поэтому лютовали и всячески унижали нас.

Однажды роту построили и стали отбирать для работ на хоздворе. Старшины не было, поэтому деда благополучно назначили всех зеленых, в том числе и меня.

— Одну зелень назначили! — возмутился, смеясь, рыжий ефрейтор. — Смотри, дядя Коля заругает! — сказал он про старшину, называемого за глаза «дядей Колей».

— Точно! — подыграл ему сержант. — Тогда ты и иди старшим с ними!

Раздалось дружное: «Ха-ха-ха!» Ефрейтор лишь улыбнулся.

— Старшим назначается... — произнес сержант, ища глазами, кого бы назначить из дедов или черпаков.

— Чо на меня смотришь? — возмутился один дед. — У меня заказ от замполита, я пас! Сам иди!

— Ладно! — отмахнулся сержант, и взгляд его упал на Бабахина. — Старшим пойдет Бабахин! Вперед!

— Точно! Он старослужащий, целый год уже! — захихикали деды.

Бабахин вышел из строя к нам. И вскоре мы оделись в бушлаты, взяли варежки и потопали на мороз, грузить бревна. Впереди нас вел огромный Бабахин.

На хоздворе было холодно, бревен было много, а работать нам, конечно же, не хотелось. Ребята нехотя таскали бревна по двое, по трое, но больше курили, кидались снежками, всячески подкалывали друг друга. Но больше всего забавлял Бабахин. Он запросто брал целое бревно один и переносил его на нужное место. Сила у него была невероятная.

— Слон! Слон! — веселились мы. — Бегемот!

В него сперва осторожно, потом больше и больше, полетели снежки. В ответ он лишь недоуменно смотрел по сторонам и все-таки продолжал работать.

— А это бревно поднимешь один? — приставали к нему ребята, показывая на огромный ствол, толщиною в два человеческих туловища.

Бабахин пытался, но смог приподнять только на некоторую высоту.

— Тяжелый, — сказал он.

Один парень, Генка Чашин, осмелел, и, подойдя к Бабахину, ткнул его кулаком в живот.

— У тебя пресс, наверное, каменный?

Другим ребятам это тоже понравилось, и они подлетели бить Бабахина в пузо. Естественно, я также подлетел и со всей силы ударил. Мне очень хотелось пробить его защиту, чтобы он все-таки загнулся. Но этого почему-то не получалось и как-

то неприятно злило. Я бил еще и еще. Пока не услышал злой окрик: « Степа-а-анов!»

Я оглянулся и увидел, что стою один напротив Бабахина и бью его в живот, а все разошлись. Меня звал сержант, зачем-то пришедший на хоздвор.

— Бегом ко мне! — скомандовал он.

— Есть! — крикнул я и, стремглав, понесся к сержанту.

— Пошли со мной! — брезгливо выпалил он, и мы зашли за ворота хоздвора.

Я думал, что он позвал на какую-то новую работу, но он прижал меня к забору, так что я сильно ударился затылком, и прошипел:

— Ты чо, зелень поганая? Кто тебе разрешал бить бегемота? Ты чо, приборзел, собака? Он старше тебя, урода, на год, тебе до него еще служить и служить, понял?

Я был опарашен... Никак не ожидал встретить тут заступников Бабахина...

— Короче! — продолжал сержант. — Еще раз увижу, что ты хоть пальцем тронешь бегемота, урою! Ты меня понял? Я тебя лично убью, скотина. И ты у меня в нарядах сгниешь. Тебе все ясно?

— Так точно! — проямлил я.

Сержант отпустил меня, и я заметил, что до этого висел на некотором расстоянии от земли.

— Смотри, если кому расскажешь, ты уже понял, да? — предупредил он. — Наш разговор был неофициальным. Вали!

— Есть! — ответил я и пулей полетел обратно на хоздвор.

«Тоже мне, защитничек! Всем можно, а только мне нельзя! Ишь, бегемота он пожалел!» — бурчал я про себя.

— Ну, чо? — спросили ребята.

— Да ничо, — отмахнулся я и потопал за очередным бревном.

«Бегемотика нельзя по животику!» — злился я, с ненавистью глядя на Бабахина, как он легко поднимает огромные бревна и носит их на одном плече...

Но почему-то эта фраза про «бегемотика по животику» застряла в моем мозгу и ела, жрала меня изнутри. Я не мог найти себе места. Совесть мучила невероятно, я просто физически выл от боли... Я снова и снова вспоминал, как мой кулак погрузался на мгновение в пузо «бегемотика», добродушно не отвечавшего мне на удары... и мне становилось противно... от самого себя. И это злило невероятно. Я готов был убить всех на свете, и себя в том числе. Хотя нет, себя было убивать страшно.

Однажды я бежал по части по какому-то делу и столкнулся на повороте с Бабахиным. Он нес банки краски. Почему-то меня это страшно возмутило. Я почему-то захотел, чтобы он меня непременно ударил. Так мне станет легче, непременно легче. Я крикнул:

— А ну, пошел отсюда, слон! — и выбил из его рук банки. Они тут же разлетелись по сугробам.

Бабахин посмотрел на меня. Мне даже показалось, что он сейчас как махнет своей лапицей по моей физии... и меня просто не станет. Я отшатнулся, обогнул его по сугробам и побежал дальше, успев крикнуть:

— Не догонишь! Собирай свои банки, тюфячина!

Но он и не собирался гнаться за мной. Я заметил, что он спокойно нагнулся, чтобы подобрать одну банку, отряхнул ее от снега и потянулся за другой.

Зайдя за угол, я стиснул зубы и простонал. Мне стало почему-то стыдно. И это меня злило.

Вечером я на минутку забежал в умывальник, и тут меня схватила рука деда Тишкова.

— Ты чо, борзый, — проговорил он, выплевывая бычок. — Нашего попа обижаешь?

— Когда? — испугался я.

— Сегодня, с банками, помнишь? — улыбнулся он и притянул меня к себе.

— А чо, нельзя? — пробубнил я.

— Тебе — нет! — зло сказал он.

— Ну, да! — огрызнулся я.

В следующую секунду я получил сильнейший удар в челюсть, и если бы другая рука Тишкова меня не держала за грудки, я бы улетел прямо в раковину...

Тут вошел еще один дед, друг Тишкова, Глебов.

— Чо, зелень учишь? — спросил с иронией он.

— Ага! — отозвался Тишков. — Представляешь, дочего зелень борзая: бегемот мне банки нес, чтоб красить каптерку, а этот урод их у него раскидал! Я, главное, выглядываю из окна, и вижу — этот хмырь напакостил, да еще смеется и драпает!..

— Да уж. Дай, я ему тоже вмажу! — Глебов насупил брови, перехватил меня за грудки у Тишкова и сделал широкий замах...

Я зажмурился, так как удар должен был быть весьма увесистым.

Но тут он почему-то остановился, и я услышал, как кто-то вошел в умывальник.

— А, это ты? — услышал я голос Глебова, направленный явно не ко мне.

Я открыл глаза и увидел вошедшего Бабахина.

— Чего пришел? — спросил Глебов.

— Разрешите попить! — обратился к ним Бабахин, нерешительно стоя в дверях.

— Конечно! — отозвались деды, выпуская меня из лап. — У нас к тебе тут еще вопросы есть. Пей и гребь сюда. Понял?

— Да, — ответил Бабахин и склонился к крану с водой.

— А ты пшел отсюда! — крикнули на меня, отвесив мне пинок, и я умчался.

«Фу, пронесло... — подумал я облегченно. — Вовремя этот слон явился...»

Время шло, моя служба текла, хотя и неровно. То я вырывался на лидирующие позиции, то с кем-то ссорился и дрался. Иногда удавалось увильнуть от трудной работы, поспать лишние часы в каком-нибудь сарае, удавалось даже несколько раз напиться, благо деда угощали со своего стола... Вобщем, служба тащилась и никак не кончалась.

Бабахин все также служил, работал на хоздворе, на всех трудных работах, на кухне, на копании траншей, погрузке угля и цемента, и, практически, везде возвышалась его огромная фигура, ворочающая тонны груза... Ребята моего призыва почти перестали обижать его. Многие даже уважали, и я с досадой не раз замечал в их взгляде уважение к нему... Это меня бесило еще больше. Обидеть бегемота было для меня целью, каким-то способом заявить о своей крутизне. И как только сержант отсутствовал, я старался сделать какую-нибудь гадость Бабахину. Он же, похоже, смирился с моими выходками, только иногда укоризненно глядел на меня своими добрейшими глазками, которые я не мог переносить и которые мне просто ночами уже снились, отчего я просыпался в холодном поту и со слезами на глазах. Жутко, мне было жутко. Но и злоба во мне росла все больше и больше.

Особенно я обрадовался, когда сержант, заступавшийся за Бабахина, дембельнулся и ушел из части в парадной красивой форме, увешанной значками и аксельбантами.

«Ну, теперь-то я оторвусь на его подзащитном!»

— Кто разбил горшок с цветами в расположении? — спрашивал как-то старшина.

— Бабахин! — выкрикивал я и делал вид, что молчу.

Старшина не разбирался, правда это или нет, и кто кричит. Он, довольный, выводил Бабахина из строя и в наказание посылал его на какие-нибудь жуткие работы, на которые никто идти не хотел. Я смеялся, но... почему-то удовлетворения мне это все-таки не приносило.

— Ты чо к Бабахину цепляешься? — спросил меня как-то мой друг Серега.

— Да злит меня этот бегемот проклятый! — ответил я.

Больше разговора об этом не было, но я с удивлением отметил про себя, что даже мои друзья сжалились над Бабахиным, и я подумал, что, возможно, перегибаю и зря, действительно, цепляюсь к нему. Что он мне, собственно, сделал плохого? Что мне от него надо?

Как-то я встретился с Бабахиным взглядом... Мне стало невероятно стыдно. Потом я выл и бился головой об стену. Но об этом никто, разумеется, не знал. Я был один.

Я решил победить Бабахина морально. Захотелось мне растоптать его веру. Как это он еще в какого-то Бога верить вздумал? Что за чушь?

И вот я как-то поймал толстого в бытовке, когда там никого не было, и начал с ним беседу:

— Слушай, Бабахин, а ты зачем в Бога-то веришь?

Он посмотрел на меня, оценивая, разговаривать ему со мной или нет.

— Нет, я вправду понять хочу, — заходил я. — Откуда ты взял, что Бог есть?

— Есть.

— Почему? — не унимался я.

Бабахин повернулся ко мне.

— Я это просто знаю. Он всегда со мной. Я Его чувствую. Он мне помогает и любит меня. Это невозможно не знать. Это или есть, или нет. Да и как можно сомневаться в Его существовании, если все вокруг создано Им? Если Его Сын, Христос, умер вместо меня?

— Что? — возмутился я, не ожидая такого ответа. — Все создала природа! Миллиарды лет эволюции!

— Природу тоже должен был кто-то создать. Само собой ничего не возникает.

— Возникает! — разозлился я.

— Наукой это не подтверждается.

— Да ну?

— Да. Самозарождение жизни было отвергнуто еще в восемнадцатом веке... Делали опыт с тухлым мясом. Мухи в нем никак не заводились, если мясо было под колпаком.

— Ну, а откуда ты знаешь, что Христос действительно был на земле? — не унимался я.

— Это исторический факт. Его признают все, даже неверующие. Только они не признают, что он был Богом. Но это уже другой вопрос.

— А Он был Богом разве?

— Конечно. Он умер и воскрес. Воскреснуть мог только Бог.

— А может, Он и не воскресал!

— Но ведь христианская Церковь существует. Ее именно Христос основал. Не был бы Он воскресшим, никто бы не пошел никогда в Церковь.

— А в нее и так идут одни старухи!

— Не только, — улыбнулся он.

— Ну, и еще такие как ты! — перешел я на оскорбления. — Нет, что-то ты не то говоришь. Наука уже доказала...

Он не стал спорить. А я посмеялся и вышел. Но почувствовал, что проиграл... Все мои аргументы были отбиты. И тогда приходилось пытаться ударить его, обидеть...

— Слышь, Бабах! — как-то спросил я его. — Ты почему не даешь никому сдачи? Тебе что, трудно стукнуть?

В ответ он повернулся ко мне, подняв свои огромные руки... Конечно, мне было ясно, что одного его удара будет всегда слишком много. Потому он сдерживается, чтобы никого невзначай не убить. А все, пользуясь этим, крутятся вокруг него и пытаются укусить, словно мелкие шакалы — медведя...

— Нельзя, — ответил он. — Я верующий.

Прошел год. Меня благополучно перевели в черпаки, я заслужил даже две лычки. Наступила зима. Осенью ушли домой все из Бабахиного призыва. Только его одного командование, по-прежнему, держало в части. Так обычно поступали с отъявленными хулиганами. Бабахин все также продолжал работать на хоздворе, грузя бревна и доски.

Как-то я был в наряде и шатался по морозным улицам части со штык-ножом на ремне... В каптерке я уже грелся, в кочегарке сидел, даже у дружков и то чай уже пил, поэтому хотел нагуляться побольше на свежем воздухе, чтобы потом крепче поспать. У меня кончилось курево, и я, вспомнив, что заныкал полпачки «Астры» в козырьке крыши сарая на хоздворе, не раздумывая, потопал туда.

За ночь сугробы выросли до самых коленей, так что пришлось пробираться к сараю с большими усилиями, задирая ноги. Я пошарил за козырьком рукой, пока оттуда не вывалилась промерзшая пачка. Вытащив сигарету, я прикурил, и тут мне показалось, что слышу какие-то крики...

Я прислушался еще. Точно. Кто-то где-то ревел, как медведь...

Тогда я вышел на дорогу между сараями, пытаюсь определить, откуда идет звук. Да, звук раздавался из дальнего склада пиломатериалов. Дымя сигаретой, я медленно побрел туда.

Над дверями склада горела лампочка, хотя сама дверь была закрыта. Подойдя к двери, я подумал, что неплохо бы сейчас хорошенько пугнуть тех, кто туда залез. Ишь, я тут патрулирую, а они там спрятались!

Прежде, чем ворваться, я все-таки решил посмотреть. Благо в стенах склада зияли щели между досками и было прекрасно видно, что происходит внутри. Каково же было мое изумление, когда я увидел там Бабахина, который стоял посреди склада на коленях и навзрыд молился Богу: «Господи! Господи!» Он говорил и еще какие-то слова, но все тонуло в его плаче, который просто переходил в какой-то рев. Я никогда не подозревал, что мужики могут так плакать...

Я был в шоке.

Сигарета выпала у меня из руки, и я, как вор, начал пятиться назад от этого места, а как только вышел из сугроба, что есть силы побежал обратно в часть.

Зайдя в столовую, я сказал моему другу-хлебо-резу:

- Вить, дай, слышь, чо-нито выпить.
- Ты ж в наряде. Не засекут?
- Плевать!

Он налил мне кружку противной водки, я ее с отвращением выпил и, не закусив, вышел опять на улицу. Мне было страшно. Я испугался Бабахина по-настоящему. Что за сила в человеке, если он может ТАК молиться и сносить СТОЛЬКО обид?

Мне стало страшно от мысли, что ведь он может и обо мне помолиться Богу, и кто его знает, вдруг Бог меня накажет?..

«Да нет, — убеждал я себя чуть позже, — чепуха это все. Он просто трус и слюнтяй. Вместо того, чтобы мочить врагов, он плачется о них Богу...»

Я попытался убедить себя, что это веский аргумент, но в глубине души я понимал, что он слабый...

«Я надеюсь только на себя. А он — на Бога. Потому и может все сносить. А я не могу», — подумалось мне. Тут же пришли мысли о смерти, о том, что мне смерть непонятна и страшна, а ему наверняка нет... Он верит, что будет после смерти с Богом... Везет же некоторым!

Я стал иногда встречаться с Бабахиным и спрашивать его о христианстве. Просто узнавал, как на разные вопросы отвечает Библия. Бабахин мне охотно всегда все рассказывал. Я, конечно, неизменно насмеялся над ним, но потом, когда оставался один, непременно размышлял об услышанном.

«Да, было бы хорошо, если бы Бог действительно был, и Христос умер бы вместо меня. Но...», — и я опять погружался в свой скептицизм, обитать в котором мне было очень уютно и комфортно. А главное, не мешало прощать самому себе свои грехи. Хотя иногда это тоже было трудно почему-то... Но я боролся.

— Степыч, ты чо, с бегемотом сдружился, что ли? — усмехнулся надо мной как-то друг Серега.

— Нет, ты что? — смутился я. — Как ты мог?..

— А, ну звиняй. Я просто гляжу, ты с ним частенько балакаешь, да и наезжать на него перестал. Неспроста это.

— Да ну тебя! — оскорбился почему-то я. — Не наезжаю я просто потому, что он дембель уже. А нам тоже через год быть дембелями. Вот и все.

— Понятно, — с уважением принял мои доводы Серега.

Однажды я слонялся по части, на разводе в тот день я не был, работы у меня никакой не было, но и в каптерке светиться не хотелось, потому что могли найти и припахать на какую-нибудь халтуру. А мне оно надо? И вот я забрел на кухню.

— О, толстый, ты что тут? — удивился я, встретив там Бабахина, тащившего огромный бак с продуктами, видимо, для погрузки на машину.

— Меня попросили, — ответил он, улыбаясь.

Я подумал, что он, наверное, посчитал меня уже своим другом... И в тот момент мне это совсем не понравилось. Особенно в свете укора Сереги.

— Здравов, Витек! — крикнул я хлеборезу. — Что у ты тут нового?

— Щас грузим машину, — отозвался он. — Постой тут немного.

Он куда-то убежал, а я стал разглядывать какие-то коробки, лежавшие на полу для погрузки. На них было что-то написано, и, от нечего делать, я взял одну почитать. Но в моих руках она вдруг почему-то развалилась, и на пол высыпалось несколько кусков шоколада. Такой бесформенный шоколад. В кусках.

— Ух-ты! — поразился я.

Я поставил коробку на пол и осторожно подобрал упавшие куски.

«Все равно они уже валялись... — подумал я. — Возьму-ка я несколько с собой. Вечером устроим чаепитие в каптерке!»

И, нимало не задумываясь, я набрал этих кусков полные карманы шинели.

Прибежал Витя, подставил пустой бак и стал туда суетливо забрасывать коробки.

— Извини, Степ, — сказал он. — Делов много! Потом зайди, ладно?

— Ну, как хошь, — ответил я и пошел из столовой.

На выходе я опять встретился с Бабахиным и посоветовал ему:

— Грузи тщательнее, а то сдует!

Оттуда я поплелся в каптерку, заварил себе электрическим сопротивлением в банке чаю, и в течение трех часов прекрасно посидел, попивая чай, раздумывая над вечными вопросами бытия и закусывая свежеприобретенными шоколадками...

Вдруг в мою дверь постучали, и дневальный прокричал:

— Степанов! Строиться на улице! Быстро! Командир всех вызывает!

«Что там еще стряслось?» — подумал я и нехотя поковылял.

У казармы на улице все уже толпились, вызванные со своих работ. Стоял и Бабахин в своем тулупе.

— Столовую обокрали! — рассказывал сержант, пытавшийся нас построить. — Тут мы послали шоколад в госпиталь, ну чтобы после переливания крови донорам давать, и — недостача. Командир и взвыл. Сейчас шмон устроит.

У меня похолодели ноги... Я автоматически сунул руки в карманы. Там лежало еще несколько кусков шоколада...

«Попался, ворюга!» — пронеслось у меня в голове. Кровь хлынула к моей наглой физиономии, и мне вдруг стало невыносимо плохо. Что делать?

Вдали показался командир части, идущий с замполитом.

«Все, попался... Это залет!» — стучало внутри.

Не помня себя от страха, я стал смотреть, куда бы мне можно было незаметно выбросить шоколад, который буквально обжигал мне руки. В сугроб? Нет, слишком далеко сугробы. Да и увидят, все постоянно крутятся. Может...

И я по-тихому подошел сзади к Бабахину и осторожно сунул в широкие оттопыренные карманы его тулупа свои ворованные продукты. Все получилось!

Бабахин не спеша повернулся и, заметив меня, улыбнулся. Я нервно ощерился ему в ответ. Тут же раздалась команда: «Строиться!» — и я улетел на свое место.

Командир долго и занудно рассказывал, как важно оказывать медицинскую помощь нашим доблестным воинам, отстаивающим интересы нашей родины в далеком Афганистане. Как хорошо, когда в госпитали вовремя поступает донорская кровь, и как поэтому важно поощрять наших самоотверженных воинов-доноров, и что таким поощрением всегда был шоколад.

— Но нашелся, представляете, какой-то диверсант, какой-то нелюдь, который покусился на святое, на здоровье наших раненых! — вещал с грустным лицом командир. — Этот бандит обокрал нашу машину с шоколадом, сожрал ее где-то под одеялом и теперь на нас позором ляжет этот мелкий, но очень гадкий случай... Я предоставляю еще возможность этому негодяю честно выйти сейчас перед строем и сознаться, и я обещаю, что не сдам его тогда в штрафной батальон. Но если он этого не сделает сам, мы сделаем это насильно. Во-первых, всех вас мы обыщем, с ног до головы, как каких-нибудь урок, а затем всех поведем блевать. Да, блевать! И мы увидим, кто вор, и строго накажем. Очень строго. Уж поверьте мне, вы меня знаете.

Он продолжал медленно ходить вдоль строя солдат, глядя на всех грустными глазами.

— Молчим? — выдержав паузу, театрально посетовал он. — Очень жаль. Значит, боимся отвечать за свои преступления? Хорошо. Начнем применять репрессивные меры.

— Товарищ полковник! Да никто у нас не крал шоколад! — выкрикнул смелый Ромашкин.

— Разговорчики в строю! — прикрикнул старшина Коноваленко.

— Так-так-так... — протянул командир, размышляя. — Шоколад, значит, любим? Да? Теперь будем смотреть, кто его любит больше всех. Кто самый голодный? Кто?

Непонятно почему, но взгляд командира упал на огромную фигуру возвышающегося над строем Бабахина.

— Может быть, ты? — указал он пальцем на него. — Тебя хорошо кормят? Наедаешься?

— Так точно, товарищ полковник! — ответил Бабахин.

— Такой огромный и наедаешься? Как так может быть, а?

— Наедаюсь, товарищ полковник! — отозвался еще раз Бабахин.

Полковник не любил Бабахина. Он за него постоянно получал нагоняи от вышестоящего начальства, что религиозный отказник у него не наказан должным образом и даже «как сыр в масле катается», тогда как должен быть в тюрьме или, по крайней мере, на гауптвахте. И сейчас, не зная на ком выместить свой гнев, командир решил прицепиться к верующему солдату.

— А что это у тебя тут спрятано? — тыкал он в живот Бабахина. — И почему карманы оттопырены?

— Никак нет! — отвечал Бабахин.

При этом он автоматически сунул левую руку в карман и через мгновение вынул ее. И... Куски шоколада рассыпались из его ладони на снег.

Все ахнули и пошатнулись.

— Шоколад, — проговорил командир, хмуря брови и грустно поглядывая на старшину.

Бабахин будто замер на месте, продолжая держать в руке оставшиеся куски шоколада.

— Откуда? — удивлялся он. — Товарищ полковник!..

— Все, рядовой Бабахин. Поздно, — заключил командир. — Товарищ прапорщик, подготовьте машину к отправке на гауптвахту!

— Слушаюсь!

Солдаты в строю зашушукались:

— Гад ты, толстый! — сказал кто-то. — Уже доноров объедать начал!

— Я... — задохнулся Бабахин и, выбросив остатки шоколада, старательно пытался обтереть руку об свой тулуп, будто хотел избавить ладонь от заразы, от навета, который почему-то вдруг прилип к нему.

Он беспомощно оглядывал строй солдат, ища защиты, ища поддержки, словно говоря: «Вы же не поверите, что я мог украсть? Я же не мог украсть!» Но никто не хотел заступиться за него. Все шумели от возмущения и готовы были убить его сами прямо тут, посреди плаца, руками и ногами.

— Жирдяй! — шипели ему. — Вор!

Я стоял так, будто мне вкололи огромную дозу наркотика, и перестал что-либо соображать. Глаза отказывались видеть, все плыло, ног и рук я уже не ощущал.

Сереге подошел к Бабахину, помог ему снять тулуп и ремень.

— Бабах, давай часы, ключи, что у тебя нужно сохранить? — говорил он, а Бабахин, глядя в пус-

тоту, медленно, как во сне, вынимал из карманов все содержимое и отдавал ему.

Старшина приказал двоим дневальным взять Бабахина под стражу, и они, нехотя, топтались рядом с ним.

— Разойди-и-ись! — скомандовал старшина и все, гудя и обсуждая, начали расходиться.

Я отошел в беседку-курилку, присел на мороженную скамейку и стал с ужасом наблюдать за происходившим. Подъехал грузовик, затолкали в кузов Бабахина. Он сел там на какой-то ящик и с грустью озирал часть, выдыхая клубы белого, прозрачного пара.

Я не мог больше сидеть, меня колотило как судорожного, мне было холодно, очень холодно. Тогда я встал, и, держа руки в карманах, стал медленно приближаться к машине, ожидая ее отправления. А она никак не отправлялась... Выписывали наряд на 10 суток ареста на гауптвахту, поэтому ждали документ и искали, кого назначить старшим из офицеров, кто бы поехал отвозить арестанта.

— Степанов! — позвал меня Бабахин.

Я оказался рядом с ним.

— Можно тебя попросить? — проговорил он. — Там на хоздворе на складе я под полено положил письма ко мне, не успел убрать. Ты бы не мог их пока взять себе?

— К-конечно! — пробормотал я.

«Хоть одно доброе дело ему сделаю», — мелькнула успокаивающая мою совесть мысль.

Бабахин улыбнулся, накрепился и протянул мне через бортник грузовика свою огромную руку. Я с радостью протянул ему свою и пожал:

— Держись там!

Он улыбнулся мне и... только собрался было прятать свою руку в варежку, как что-то почувст-

вовал и, поелозив пальцами, растопырил ладонь перед собой. Тут я с ужасом увидел, что у него на ладони было что-то коричневое... Я машинально взглянул на свою руку... Нет!

Она была испачкана шоколадом! Когда я держал руку в кармане с зажатыми в ней кусками шоколада, ладонь у меня вспотела, шоколад растаял и измазал мне всю ладонь. А затем — и его...

Я быстро взглянул на Бабахина. Он... Его лицо... Глаза...

Они, обычно выражавшие снисходительность ко всякому злу, вдруг наполнились слезами. Он не мог сказать ни слова, только открыл рот и держал свою ладонь открытой к небу.

Так его и увезли.

Мне перехватило дыхание, земля уплыла из-под ног, и я сел прямо тут, в снег, у самой дороги.

«Ну, я и урод! — пронеслась мысль. — И ты еще, гад, жить хочешь!»

Наверное, еще минут двадцать я сидел так в сугробе, ни жив, не мертв.

«Как я себя ненавижу!» — простонал я, зажмуриваясь.

Через какое-то время я ощутил, как начинаю замерзать. Холод стоял градусов 30 ниже нуля. Но я в тот миг подумал: «А пусть я замерзну и умру. Нет мне прощения».

Вокруг ходили солдаты, прапорщики. Они что-то мне кричали, крутили у виска пальцами, даже ругались. И тогда только я решил уйти. Годовалая армейская привычка быть подальше от всеобщих глаз дала о себе знать, и я, шатаясь, поплелся в свою каптерку.

Войдя в нее и затворив за собою дверь полумертвыми руками, я постоял, пытаюсь осмыслить, откуда идет боль — из горла или из груди...

— Как мне плохо! — прохрипел я искривленными губами.

И тут же присел на корточки, зажав свою дурную голову локтями. Сдавить, сдавить ее, проклятую! Чтобы она отвалилась!

Зубы неприятно скрипнули прямо в мозг. Ужас во мне ходил волнами. От самой макушки стриженной головы до отмороженных пяток в сапогах. Я подскочил и оплывшими глазами вдруг увидел банку с недопитым чаем.

— Ах, ты — жрать!!! — взревел я и кулаком со всего маха, что было мочи, врезал по банке. Она отлетела в стену и разбилась вдребезги. Рука тут же отнялась полностью.

Я рухнул на пол, к осколкам. Они впились в мои ладони, в колени, в бедра... Темно-бордовая кровь закапала на потертые деревянные доски пола. Но мне было все равно.

«Курить!» — пришла ко мне мысль через полчаса бредового лежания.

Я достал сигареты и начал дымить их одну за другой, без всякого перерыва.

Мысли мелькали, как кадры в фильме ужасов, одна хуже другой, прокрутились все варианты казни, какой я теперь был достоин.

Но через какое-то время я поймал себя на том, что сижу, плачу, курю, а при этом в голове у меня полная пустота. И я уже не понимаю вообще, где я и кто. И не хочу понимать.

Я пропустил построение на ужин. И меня никто почему-то так и не вспомнил. Забыли. Я провалялся на полу еще несколько часов, и когда понял, что уже пролежал и команду на отбой, кое-как поднялся на ноги.

Посмотрел на свои руки, на ноги, на каждую рану. Почему-то мне стало жалко и себя. Что же это мне так не везет? Другие бьют младше их,

отнимают у них деньги, часы, бухают чуть ли не каждую ночь, бегают в самоволку, воруют со склада, все что ни попадя, да еще и продают местным деревенским мужикам, а я один раз перевалил свою вину на сектанта и так теперь убиваюсь... Почему? Что мне до него? Разве ему станет хуже от того, что он 10 суток побудет на этой самой гауптвахте? Он здоровый, сильный, он и там выживет. Это я, может, задохся бы там... Хотя... Везде можно приспособиться. А он... с его верой в какого-то Бога? Он как там будет выживать?

Нет, что это такое? Я тут страдаю, а он, небось, там сейчас привычно моет полы и в ус не дует. И я же еще о нем сожалею! Надо перестать заниматься этой ерундой. Я же крутой, я младший сержант, целый черпак! Меня боятся и уважают, я не слюняй и не тюфяк, как бегемот... Я...

Боже мой. «Бегемот». Толстый, пузатый, огромный, «святой бегемот», «жирный поп»... Как ты там? Что с тобой?

Слезы текли и текли у меня из глаз. Я не мог успокоиться.

В тот вечер я пошел на хоздвор, вошел в помещение склада, где я как-то видел Бабахина на молитве, нашел полено, нашел под ним письма, сложил их и сунул себе в куртку хэбэ. Потом я, как зомби, поплелся в столовую к Витьке, молча попросил его дать мне водки. Затем напился в меру своих способностей. Потом долго и муторно блевал около помойки, стоя на четвереньках. И, полностью измотав себя, кое-как проник в казарму, залез на свою койку и заснул каким-то бездонным и оглушительным сном.

Так прошли и все остальные 10 дней. Я каждую минуту помнил, что где-то там, в воинской части, за 25 километров от нас, сидит на гауптвахте Баба-

хин, «толстый бегемот». Сидит вместо меня, негодя и вора.

Я часто останавливался на улице, глядел в сторону, где, как я предполагал, находилась гауптвахта, и тихо шептал, преодолевая нестерпимую боль в горле: «Как ты там, Бабахин? Держись, слышишь!»

Возникали мысли, что он там может умереть, и тогда я до конца жизни буду ощущать себя последним ублюдком, если вообще не захочу раньше приблизить этот самый конец... Но я ждал Бабахина, как не ждал, наверное, еще никакого друга на свете. «Бабахин! Ты вернись живой только, слышишь!»

Зима отвечала еще большими морозами и полной тишиной.

Меня спрашивали: «Ты чо такой загнутый, Степыч?» — а я отмахивался, и даже умудрялся улыбаться. А Сереге сказал, что это я по поводу одного письма из дома.

— Понимаю, — посочувствовал друг. — Да наплюй ты. Нам, главное, тут дослужить. А там уж, на гражданке, мы как-нито разберемся. Верно?

Я согласно кивал. Но думал совершенно о другом.

Очень неприятное ощущение — осознавать себя полным мерзавцем. Очень. Тогда я испытал это чувство на себе полностью и во всех красках...

И вот я был как-то в наряде дежурным по роте. Рядового дневального забрали накрывать на столы в столовой, а я стоял, как в старые времена, у тумбочки. Все время я находился в состоянии какой-то полудремы. Возможно, организм таким образом пытался бороться с нахлынувшими на его душевную сферу нагрузками. Я умудрялся стоять, прислонясь к тумбе, держать глаза открытыми, а при этом как бы спать. Находиться между сном и

реальностью. Путая одно с другим... Вдруг я услышал хлопанье входной двери, тяжелые шаги по прихожему коридору, и...

Дверь в казарму открылась, и в расположение вошел Бабахин. Побритый налысо, в грязном рваном бушлате, еле натянутом на его здоровые плечи. Он автоматически отдал мне честь, но тут же потупил свои добрые глаза и, молча, протопал в сторону умывальника. У меня не нашлось никаких слов. Но про себя я был рад, что он хотя бы живой.

Дрожащими руками я вынул письма Бабахина из кармана куртки и пошел к умывальнику, чтобы как-то их ему вернуть. Он там мылся под краном, раздевшись по пояс.

— Бабахин! — срывающимся голосом пролепетал я. — Вот твои письма...

— Спасибо, — проговорил он, повернув ко мне свое лицо, по которому текли струи воды. — Положи, пожалуйста, их на мой бушлат, если нетрудно.

Я послушно положил письма и вышел. Он не стал, да и не мог, наверное, на меня ругаться. Или не считал меня достойным и этого... А я не мог ничего ему больше сказать.

В дальнейшем я всячески избегал его, не смотрел в его сторону, научился ощущать его спиной и боковым зрением. Всегда, когда кто-то в строю задевал Бабахина, я делал вид, что о чем-то думаю, занят чем-то важным или смотрю вообще в другую сторону.

Приближался Новый год, и по закону солдат осеннего призыва уже не могли больше держать в части. Надо было отпустить до 1 января. И ровно 31 декабря, во время нашего утреннего развода на работы, командир пришел и с грустным видом общил:

— Жаль, что приходится расставаться с нашим самым выдающимся в кавычках бойцом, рядовым Бабахиным. Я думаю, что ему бы не помешало еще пару лет послужить на благо родины, которая его воспитывала, обувала, одевала, обучала на свои деньги. А он, в благодарность ей, подался к зарубежным мракобесам, предателям коммунистической мечты всего прогрессивного человечества, в секту, стал идейным врагом советской власти. Что его ждет в гражданской жизни? Ничего хорошего. Скорее всего, он и дальше будет вести свое паразитическое существование, в стороне от общественной и политической жизни страны, снабжая своими грязными деньгами дармоедов, сектантских попов. А здесь, в армии, у него была возможность хоть как-то загладить свою вину перед родиной, перед всем советским народом. Но он и это не смог сделать. Он был отвратительным и бездарным солдатом. Обжорой и тунеядцем. И тут хотел выехать на хребте наших простых солдатиков-труженников. Он не оценил даже наше благородство, проявленное к нему, когда он нагло обворовал доноров, совершил идеологическую и материальную диверсию против наших героев-афганцев. Он не оказался в штрафном батальоне, а я мог бы это ему обеспечить. Мог, но не захотел...

Ко мне на ухо наклонился Серега и прошептал:

— Врет! Не могли они Бабаха засадить в штрафную, они его там блевать заставили и ничего шоколадного не нашли. Просто так оставили сидеть, чтобы не переигрывать.

— Да ну? — поразился я. — Откуда знаешь?

— Литеха, что с Бабахом ездил, по пьяни проболтался, когда мы с ним в наряде были.

А командир все зудил и зудил, держа всех на морозе и никак не отпускаая.

— В общем, забирай свои документы, Бабахин, и проваливай отсюда. Здесь служат честные, порядочные военнотружущие, любящие свою родину и свой народ. А тебе здесь не место. Пусть теперь милиция и КГБ твоего города тобой занимаются. Выйти из строя! Шагом марш!

Бабахин послушно вышел строевым шагом из строя и встал по стойке смирно перед командиром. Писарь штаба помчался в штаб за документами Бабахина. Через минуту они были ему отданы, и Бабахин побрел с ними в казарму за своими вещами. Наконец-то свободный... Наконец-то домой... Все. Кончились его страдания...

Я смотрел ему вслед, как он идет вдоль казарм, рассматривая на ходу свой военный билет. Неужели я его больше не увижу? Сейчас меня распределят куда-то, я уйду на работу и все, Бабахин исчезнет навсегда.

— Жалко Бабахина, — прошептал я Сереге.

— Вот те на! — удивился тот. — Все время наезжал на него, а теперь пожалел... Он теперь свободен. Это нам тут еще трубить. А он свое отпахал. Столько отпахал, сколько нам никогда не суметь. За нас за всех пахал.

— Да... За нас за всех... — проговорил я.

Внезапно меня осенила мысль, что он, рядовой Бабахин, толстый сектант-баптист, здесь страдал за меня. Страдал *от* меня. И даже больше... *вместо* меня. Перед моим взором памяти вдруг явственно всплыли все эпизоды, в которых он принимал вместо меня удары, злобу, ложь, ненависть. Это на меня должны были обрушиться гонения стариков, это я должен был быть унижен, посылаем на разные грязные работы, это меня должны были бить старики, это надо мной они должны были издеваться. Но все это оттянул на себя толстый Бабахин... Деды занимались им, а не мной и

многими из нас. Он притягивал стариков к себе, принимая все летевшие шишки...

Бабахин...

Я дождался, когда нас разведут. Слава Богу, в этот раз нас не стали распределять на работы по одному или по группам, как обычно, а просто отмахнулись: «Сегодня до 18.00 работаем над задачами, даваемыми командирами взводов». Поскольку я был командиром маленького взвода из 5 человек, я быстро сказал им идти в каптерку и заниматься, у кого чем есть, а сам поспешил в казарму.

Войдя, я отдал честь дневальному у тумбочки, и спросил:

— Бабахин тут?

— Нет, — ответил он. — Уже ушел.

— Как ушел? — отпрянул я. — Его ж не было видно...

— А он через заднюю дверь ушел. Там же построение.

Я все понял. Больше я не увижу Бабахина!

«Но нет, я же еще могу догнать его по дороге к электричке!» — тут же пришла мне в голову идея.

Я нахлобучил на глаза шапку и ринулся как ненормальный к задней двери. Как назло, она оказалась запертой.

— Открой! — закричал я, обращаясь к дневальному.

— Открыто, надо поднажать вверх! — подсказал он.

Я поддал дверь вверх, она распахнулась, и я вывалился на мороз, на тропинку, ведущую позади всех казарм к выходу из части.

Недолго думая, я подбежал к забору, подтянулся и ловко перелез, благо в этом месте колючая проволока была помятой и порванной.

Свалился с другой стороны в сугроб и выбежал на проходившую там вдоль забора наезженную дорогу. Машин не было. Светило солнце. Вокруг было пусто и тихо. Только со стороны воинской части слышались какие-то звуки.

— Бабахин! — прокричал я.

Не дожидаясь ответа, я кинулся что есть силы бежать. Скорее, скорее! Если я не догоню его, я пропаду, мне незачем жить.

— Бабахин!

Я не задумывался даже о том, что в этот предпраздничный день на дороге может быть полно патрулей, которые, если поймают без всяких отпускных и увольнительных документов, запросто могут упечь меня на 15 суток. Но я бежал и бежал, тяжело дыша и уже еле переставляя ноги.

— Где ты, Бабахин? — проговаривал я сам себе. — Пожалуйста, миленький, не уежь!.. Господи, останови его!

Несколько раз я чуть было не поскользнулся, но каким-то чудом мне удавалось удерживаться на ногах и тогда снова продолжать бег.

Наконец я увидел вдалеке, почти у самой деревни, темный силуэт, неуклюже переваливающийся, несший в руке какой-то небольшой чемоданчик, почти портфель. Это Бабахин! Он!

Дыхание причиняло мне боль, сил почти не было, ноги устали. Я остановился, наклонился, опершись на колени, чуть-чуть отдышался и что есть силы закричал:

— Ба-ба-хин!!!

Он меня не слышал, мне пришлось бежать снова. Я бежал и кричал ему. То жалобно, то грозно, то почти рыча, то почти умоляя. Я уже думал, что не догоню его, но вдруг он обернулся в мою сторону. Я поднял руку. Только тогда силуэт толстого человека остановился и повернулся в ко мне.

Он терпеливо ждал, пока я добреду до него. Вот и его лицо, его уже видно.

— Ба... бахин! — выдохнул я, приближаясь к нему.

Лицо его выглядело недоуменным, но, в то же время, как будто брезгливым. Что он еще может ожидать от меня? Какую подлость?

— Подожди, — проговорил я, останавливаясь рядом с ним.

Он посмотрел на меня, на то, как я стараюсь отдышаться, глянул в сторону деревни, высккивая между домами железную дорогу, по которой он должен сейчас уехать к себе домой.

— Что, Степанов? — спросил он.

— Бабахин! Не уходи. Пожалуйста. Дай мне тебе сказать. Я... я не смогу, если ты уедешь! Я всегда делал тебе зло. Я подставил тебя. Я подоброе тебе шоколад... — горло мне предательски сдавило, я еле смог выдавить проклятое слово, обозначающее этот злосчастный продукт. — Я подонок. Я самый большой негодяй. Я урод, Бабахин! Я ненавижу себя!..

Я почти уже орал:

— Ударь меня, пожалуйста! Вмажь мне, Бабахин! Я очень тебя прошу! Бей!

Бабахин округлил свои добрые глаза, в них смешались сразу и удивление, и жалость, и что-то еще, мне неизвестное.

— Что ты? — проговорил он. — Я не буду бить тебя. Я никого не бью.

— Прости меня! — не унимался я. — Хотя это вообще невозможно. Ты можешь простить меня? Я тебе столько зла делал. Я был к тебе хуже всех!

— Да, я тебя прощаю, конечно, — слышался его голос.

— Нет, правда? Натурно? — не верил я.

— Конечно. Бог же всем прощает. Прощаю и я.

— Ты везде был вместо меня! Ты здоровский! Это я такой плохой...

— Нет, — возразил Бабахин. — Это мой Бог здоровский. Это Он умер вместо нас. Все мы грешники, а Он все равно ЛЮБИТ нас. Он страдал за нас. Помнишь, я тебе рассказывал?

— Да, помню, — повеселел я.

Бабахин открыл свою сумку и достал оттуда какую-то огромную, почти как он сам, потертую книгу.

— Возьми! — протянул он ее мне. — Читай! В ней все самое нужное сейчас для тебя.

— Что это? — спрашивал растерянно я, открывая первую страницу. — Как, это Библия?

— Да, — улыбнулся он. — Слово Божье. Она со мной все два года прошла. Только ты спрячь ее, иначе, если найдут, отнимут. Ладно?

— Конечно! — радостно ответил я и тут же запихнул ее за пазуху.

— Ну, с Богом! — сказал Бабахин и протянул мне свою здоровую руку.

— Прощай! — ответил я, пожимая ее. — У меня столько к тебе вопросов, а ты уже уезжаешь...

Мне показалось, что он открыл мне свои объятия, и я ринулся к нему и обнял его. Он был настолько огромен, что руки мои так и не сомкнулись за его спиной. «Большой бегемот»...

— Я буду тебе писать, — сказал он мне на прощание и, улыбнувшись, поспешил на вокзал. Ему надо было домой. К его родным, к его церкви. Где его ждут и любят. Где за него молились...

А мне надо было возвращаться в часть, служить еще целый год.

Я смотрел ему вслед, и мне было ужасно грустно, что столько времени я потерял впустую.

С тех пор я стал тайно читать подаренную мне Библию. И плакал, плакал, узнавая во Христе многие черты толстого «святого бегемота».

«Он был презрен и умален пред людьми, муж скорбей и изведавший болезни, и мы отвращали от Него лице свое; Он был презираем, и мы ни во что ставили Его. Но Он взял на Себя наши немощи и понес наши болезни; а мы думали, что Он был поражаем, наказуем и уничижен Богом. Но Он изъязвлен был за грехи наши и мучим за беззакония наши; наказание мира нашего было на Нем, и ранами Его мы исцелились» (Ис. 53:3-5).

СЧАСТЬЕ ОБЫЧНОЙ ЖЕНЩИНЫ

Шел дождь. Светлана бежала с мокрым зонтиком через дорогу, ловко перескакивая лужи. Машины почему-то в это утро не хотели ее пропускать, и приходилось постоянно то останавливаться, то ускорять движение. А они все мчались и мчались, сверкая мокрыми крышами и капотами.

Но вот ее каблук звонко стукнул о бордюр тротуара, и она оказалась вблизи здания церкви евангельских христиан-баптистов. Сложив зонтик, она быстро отряхнула его и вбежала под козырек крыльца. Несколько капель успели намочить ее вязанную шапочку и плюхнуться на самый нос. Она поморщилась и, застегивая сложенный зонтик, с усилием открыла плечом массивную дверь. Через мгновение она была уже внутри родной церкви.

— Светочка! — узнали ее сестры. — Приветствуем тебя, дорогая!

Она поприветствовала подруг и поспешила в зал. Сегодня она явно опаздывала. Автобус задержался в пути, полчаса ждали, когда из лужи вытянут какую-то машину, вставшую поперек дороги... Но, слава Богу, она успела.

Подошел Владимир, знакомый брат из церкви, пожал ей руку и, улыбаясь, сказал:

— Свет, а тебя тут ждут давно.

— Кто? — удивилась она.

Ее взгляд начал осматривать ряды скамеек в зале и внезапно наткнулся на знакомое лицо.

— Надька! — закричала она и ринулась к стоявшей в проходе женщине.

Еще через секунду Светлана буквально висела на шее у гостыи.

— Откуда ты? — восклицала Света.

— Проездом! — улыбалась в ответ Надя, осматривая подругу. — Тебя очень хотела навестить! Как у тебя дела? Я, гляжу, ты с покрытой головой. Замужем?

— Нет, — изменилась в лице Светлана. — Просто с дождя... Холодно у нас.

— Братья и сестры! — объявил пресвитер. — Пора начинать собрание! Займите места, кто еще не успел!

— Пойдем ко мне, сядем! — предложила Светлана, потянув Надю за руку.

— Спасибо! Нет, Свет, я тут с семьей! — ответила Надя, положив свою ладонь на ее тянущую руку. — Вон они у меня там сидят! После собрания я тебя познакомлю, ладно?

Светлана широко открыла глаза и с раскрытым ртом посмотрела в другой конец зала, где сидел какой-то незнакомый бородатый брат и рядом четверо ребятишек разных возрастов... Светловолосые и удивительно забавные.

— Здорово, Надька! Ладно, потом обязательно встретимся, поболтаем! — восхитилась Света и, помахав ручкой, поспешила на свое место.

Когда закончилось собрание, и они с подругой и ее семьей вдоволь пообщались в столовой церкви, Светлана вышла на улицу, вдохнула свежий воздух, смешанный с запахом мокрого асфальта и мягким ароматом выхлопных газов автомобилей. Дождя уже не было, стало светло, однако, серые тучки так и не давали солнцу осветить город, согреть его холодные крыши и дворы. Остановка оказалась пустой: видимо, автобус только что уехал, забрав с собой последних пассажиров. Светла-

на с удивлением отметила про себя, что скамейка здесь абсолютно сухая, видимо, из-за хорошей широкой крыши над прозрачными перегородками каркаса остановки. Передвинув сумочку на колени, Светлана присела и стала смотреть куда-то вдаль.

Ветер дул и доносил иногда холодные брызги дождевой воды и обрывки вчерашних мокрых газет.

— Господи, — еле слышно прошептали губы Светланы.

Блестящие машины проносились мимо и безнадежно глушили все ее слова, которые в общем-то и не предназначались для чьего бы-то ни было слуха. Кроме Его.

...Автобус вез ее к дому, а она смотрела в окно и думала. И перебирала все те же слова. Только совсем неслышно. Беззвучно. Про себя.

— Светка! Это ты?! — обрушился на нее внезапный шквал чьего-то радостного окрика.

— Вадим! — узнала она звавшего ее мужчину, выглядывающего из мокрого «мерседеса». — Как ты оказался тут?

— Да ехал мимо! — радовался мужчина. — Ну, это ж надо! Светка! Сколько лет!

— Везет мне сегодня на встречи! — проговорила невольно она, широко улыбаясь.

— Ну, давай пройдем в кафешку, что ли? — засуетился Вадим, лихорадочно запирая свою автомашину. — Щас, только запру эту колымагу.

— Твоя? — кивнула головой на машину Света.

— Да-а-а, — довольно протянул он. — Недавно приобрел вот. Ну, пошли скорее, да!

Они зашли в кафе, взяли по чашечке черного кофе и сели за столик у окна, на котором кто-то успел нарисовать сердечко со стрелой.

— ...Представляешь, Виталька мне говорит, чтоб я это дело провернул, а я ему говорю, чтобы этим занялся Семен, — рассказывал Вадим. — Нельзя же, понимаешь, все время на мне выезжать, слушай, да!

— Точно, — улыбалась Светлана. — Вадим... Ты совсем не изменился. Такой же деловой и суетливый.

— Ну, что ты, Свет! — сконфузился он. — Замотался, просто ужась какой... То ли дело было в нашей конторе!

— Да... — заностальгировала и Света. — Ты никого еще из наших не видел?

— Куда там! — сокрушился Вадим. — Все небось занятые стали, свои дела, семьи, все такое... Вот у тебя тоже муж имеется, наверное?

— Да нет, — ответила она и стала тут же придумывать, что сказать еще.

— Ну? — удивился Вадим. — А я и гляжу — кольца-то у тебя нету. Значит, не вышла еще? Выбираешь?

— А как же! — загадочно улыбнулась она.

— Слушай! Давай тогда мы с тобой куда-нито сообразим в следующие выходные, а? Ну, помнишь, как раньше? Или к Сереге на Гончарную завалим!

Она представила как садится в новенький «мерседес» рядом с парадно одетым «крутым» бизнесменом Вадимом, как они быстро мчатся по шоссе, шутя и рассказывая друг другу разные истории про их прошлую совместную работу и отдых, как встречаются со старыми коллегами... Она посмотрела в его глаза. Они искренне горели и... ждали, словно предлагая ей новую жизнь, новые пути, новую дружбу и даже больше — любовь.

— Спасибо, Вадим, — откинулась на спинку стула Светлана. — Конечно, встретиться с нашими

было бы классно. Но боюсь, что в выходные я не могу. И в будни работаю... Хорошо, что так вот мы встретились с тобой, посидели...

— Да ну, брось ты, что значит «не могу»? — удивился Вадим. — В будни я сам в напряге вечном. Но выходные-то! Что за работа такая у тебя теперь, что в выходные не можешь? Ты скажи, я в любое время подъеду, без проблем, и мы двинем! Ну, Свет?

— В выходные я в церковь хожу, — улыбнулась она.

— Да? — разинул рот Вадим. Потом помолчал и добавил: — Да ладно тебе, «в церковь». Что там делать, небось скучно там?

— Я верующая, — проговорила она, все также обреченно улыбаясь.

Он минуту соображал, допивая кофе и оглядываясь на возникший сзади в кафе шум, и сказал:

— Ну, пусть в церковь. Поставишь свою свечку, я подожду у ограды, а потом махнем к нашим. Делов-то! Хорошо?

— Ты не понял, — наклонилась к нему через стол она. — Я хожу в баптистскую церковь. У нас собрания на все выходные. Я должна вот участвовать в эту субботу в репетиции. Пою я иногда в хоре. Если хочешь, приезжай к нам на собрание в воскресенье?

Он пытался осмыслить, разыгрывают его или нет, и, посидев немного, спросил:

— И давно ты туда попала?

— Уже семь лет, Вадим...

— Семь? И почему? Вроде бы лет восемь назад ты еще не была верующей, да?

— Так получилось, — улыбнулась она. — Я узнала Бога, услышала про Христа. Помолилась, и Он простил мне мои грехи. Я стала совсем другой, понимаешь. Я очень люблю Иисуса, люблю Бога,

церковь, люблю Библию... И главное, я знаю, что Он меня любит...

— Кто «он»? — не понял Вадим.

— Бог, — улыбнулась Светлана.

— Да? — риторически произнес Вадим, покрутил чашкой на блюде и добавил: — Бывает.

— Ну что, если хочешь, давай я тебя подвезу до дома? — предложил он Светлане уже на улице.

— Спасибо, Вадим, — ответила она. — Я тут близко живу! Пока! Увидишь кого из наших, передавай им привет!

— Да, ты — тоже!

Она помахала ему ручкой, и он продолжал смотреть ей вслед, наблюдая, как она, обходя лужицы, грациозно удалялась по дорожке между двух кирпичных домов. Красивая молодая женщина, мечта всей их бывшей конторы... баптистка.

— Петр Николаевич! — проговорила она в трубку телефона. — Можно мне с вами посоветоваться и помолиться как-нибудь?

— Конечно, Светочка! — отозвался пресвитер их церкви. — Приходи. Я дома сейчас и Мария Васильевна тоже... Жду тебя.

Пресвитер жил в соседнем со Светланой доме, поэтому она могла запросто и в любое время прибегать к нему за советом и духовной поддержкой. Петр Николаевич был уже преклонных лет, весь седой, но все такой же отзывчивый и энергичный. Вся церковь любила его, и Света — тоже. Когда-то, лет семь назад, от его слов она уверовала, покаялась, а немного позже приняла и водное крещение по вере. В живописном пруду за городом, в окружении зеленых деревьев под сводом голубого неба, в белых-белых одеждах...

— Ну, что у тебя случилось, Светочка? — спросил Петр Николаевич, когда они сели в кресла в гостиной.

И она стала рассказывать все, что было на душе, все свои страхи и сомнения, словно пытаюсь избавиться от этого груза, но не веря уже в лучшее. Слова лились из нее бурным потоком, сметая все на своем пути, и никакая сила, казалось, не могла остановить их течение...

— Я устала быть одна! — плакала она. — Ничего не меняется! Все вокруг меняются, все находят счастье, а меня оно забыло! Я не хочу завидовать, не хочу, я люблю подруг, сестер, всех, но мне обидно, что Господь меня не слышит и не отвечает мне много лет! Мне тридцать один год, я должна уже носить косынку на голове, я давно примеряла подходящую мне. Светлозеленую такую. Красивую, с блестками. А я все одна! Почему Господь меня забыл? Разве я хуже всех? Я всегда была общительная, добрая, никому не мстила, меня уважали и на работе, и везде. И в церкви я при деле, мне так нравится петь, помогать другим. Почему Бог меня лишает счастья? Я вот иду по улице и вижу колясочки, вижу детишек в песочницах... Слышу, как они зовут: «Мама» — и те бегут к ним, отряхивают от песка, от листьев... А тут я встретила свою подругу детства, мы с ней вместе уверовали, ходили на занятия в церковь. Помните Надю? Она была такая неприметная, и молиться у нее не получалось никогда как следует вслух, все стеснялась. А теперь у нее муж, дети, дом. Она такая счастливая! Нет, я не завидую, я, правда, рада за Надю. Но почему же мне не дано такое? Неужели я так много нагрешила, что теперь расплачиваюсь за все? Я устала уже ждать! Я не железная. Я просто... обычная женщина. Зачем меня так мучить? Я бы могла, я бы стала, я бы все...

— Светочка, — тихо произнес Петр Николаевич. — Но ты веришь, что Господь приготовил тебе только самое лучшее?

— Я знаю, вы хотите сказать, что я должна верить и ждать, ждать! Я уже жду семь лет! — не успокаивалась она.

— Нет, я не это тебе хочу сказать. Я хочу спросить: ты веришь, что Господь тебя любит?

— Ну, верю... — согласилась она, утирая платком слезы.

— Это прекрасно, когда дети Божьи верят своему Господу, — медленно произнес пресвитер. — Потому что Господь всегда дает нам только самое лучшее. То, что нужно каждому христианину и христианке. Для чего? Да для успешного прохождения земного пути. Чтобы прийти в вечности к Богу, не потерять дарованное нам спасение. Ты согласна?

— Конечно, — тихо произнесла она, глядя в пол.

— А можешь ли ты сказать, что согласна на все, что Бог приготовил для тебя? Ты согласна, что Бог сделает для тебя лучшее?

— Да, в общем-то, — согласилась она потухшим голосом. — Пусть будет, что будет... На все воля Божья. Я поняла...

— Это я говорю не к тому, чтобы обвинить тебя в маловерии или еще в чем-нибудь. Я знаю, что ты настоящая верующая.

Он задумался, провел рукой по своей седой бороде и затем поднялся из кресла.

— Тут такое дело... — начал он, стоя. — Я много молился о тебе. Я очень хотел бы, чтобы ты была счастлива, чтобы Господь был с тобой. Как раз вчера после собрания ко мне подошел в церкви один брат. Молодой брат. Ты его хорошо знаешь. И вот, представляешь, он мне говорит, что имеет та-

кое убеждение, что должен жениться. «Нехорошо человеку одному» и так далее. Я спросил его, кого он хотел бы взять в жены? И как ты думаешь, чье имя он мне назвал?

Светлана замерла и открыла рот. Казалось, что шевелиться она уже не сможет никогда...

— Не может быть.

— У Господа все может быть. «Светлану», — говорит. Я его переспросил: «А ты точно уверен, что ее?» «Точно, — говорит, — другой мне не надо. Но я боюсь, что она откажет мне». Понимаешь, какое дело?

— Кто же это? — недоумевала Светлана.

— Не догадываешься? — улыбнулся Петр Николаевич и предложил: — Может быть, помолимся сначала?

— Да... — рассеянно проговорила Света, как в бреду, и, встав, сложила руки для молитвы.

Петр Николаевич помолился, прося у Господа благословения на личную жизнь сестры Светланы, и только успел он сказать «аминь», как Светлана буквально подпрыгнула:

— Знаю! — радостно прокричала она. — Это может быть только... только Владимир! Верно?

Петр Николаевич тут же сел.

— Верно... — проговорил он. — Как чудесно Господь открывает Свою волю! Удивительно!

— Боже! — воскликнула и Света. — Как я не замечала этого раньше? Точно, Владимир! Спасибо Тебе, Господи!

Она бежала домой по темным и сырым улицам, не перескакивая через попадающиеся лужи, а рассекая их своими сапожками, отчего веселые искрящиеся брызги летели в разные стороны. Редкие прохожие недоуменно оборачивались ей вслед, не понимая, как это молодая женщина может быть

так счастлива. А ее лицо светилось и излучало огромное счастье, и даже, несмотря на то, что при этом слезы лились из глаз, она дарила миру улыбку. Сегодня Господь, Творец миров, услышал ее мольбы. Кто может быть счастливее ее?

ВСТРЕЧА НА ЖАРЕ

Было жарко и душно. Даже тень от редких деревьев в скверике не приносила прохлады, да и ветра тоже никакого не было. Люди ходили полуживые, и казалось вообще странным, что кто-то ходит по улице...

Странным было и стояние посреди сквера мужчины сорока лет, чего-то ждущего и оглядывающегося по сторонам. Зачем он стоит на этом пекле?

Но у этого мужчины была причина стоять.

Вот он закрыл глаза, и его губы зашевелились. Это молитва. Он молился. Прямо посреди сквера? Да. От жары никто все равно не понял бы этого, а если бы и понял, уже не прореагировал бы. Мало ли чего бывает на улицах в жару...

Он помолился, как делал всегда с тех пор как узнал Бога, как подружился и научился разговаривать с Ним. Не прочитанными и заученными откуда-то молитвами, а как с Другом, Отцом, понимающим и любящим.

«Боже, помоги! — молил он. — Если возможно, пусть она... Пусть обратится... Не через меня, так хоть вообще... Впрочем...»

Он замолк. Молиться больше не хотелось. На эту тему, во всяком случае. Зачем? К чему? Уже столько молился, уже ясно, что напрасно. Никому это не нужно. Так что он уже и сам не верил. Но на всякий случай помолился. Почему нет? Вдруг?..

— Сергей! — послышался женский голос.

Молившийся мужчина обернулся и увидел подошедшую к нему эффектную женщину делового вида с яркой косметикой.

— Привет! — улыбнулся он. Руки сами разлетелись у него в стороны, как у пингвина, потому

что не знали, куда им деваться в таком случае. Они должны были бы обнять эту женщину или пожать ее руку... Однако первое невозможно, а второе никто не предложил. Да и не принято у нас как-то здороваться со знакомыми женщинами за руку...

— Вот, я принесла тебе то, что ты просил, — произнесла она, опуская глаза.

Он заметил в ее руках маленький чемоданчик.

— Благодарю, — ответил он, принимая его. Рука коснулась горячих пальцев женщины, пот на его лбу пустил струйку к щеке, он смутился, утерся. — Жарко сегодня.

— Да, ужасно, — согласилась она, снова посмотрев на него.

Все, больше она не обязана стоять тут с ним. Ее миссия выполнена. Это придало ей некоторую смелость и облегчение. Впрочем, трусостью она и раньше не страдала...

— Ослик тут? — спросил Сергей, явно не имевший намерения вскрывать чемодан прямо на улице.

— Да, тут он. И фотографии некоторые. Тетрадки тоже.

— Все?

— Нет. В смысле те, что...

— ...из воскресной школы, — подсказал он.

— Ну, да, — согласилась она.

Некоторые слова давались ей нелегко, и произносить их она совсем не хотела. Ну, да ладно, ведь в последний раз... И все равно они все еще почему-то раздражали ее... Только бы не пришлось произносить слово «Церковь», а тем более, «Бог». Хватит для нее.

Но Сергей и не собирался. В то же время надо было уточнить, что она ему принесла... А то принесет еще тетради Алеша по математике или природоведению... Хотя он был бы не против и их. Вообще все, что связано с Алешей, ему нужно. Чтобы

можно было бы иногда взглянуть на какую-нибудь Алешкину вещь и вспомнить, как они ходили в церковь, как ездили вместе в метро, как они, держась за руки, переходили через дороги и дворы, как учили вдвоем домашнее задание с Библией... в другой комнате, правда. Чтобы не разозлить маму...

Нет, она уже не злится, слава Богу, она даже принесла некоторые его вещи, стоит рядом... Жалко только, что она отдает все тетради сына... Вот бы оставила у себя хоть одну такую тетрадку, почитала бы его каракули со словами о Боге, об Иисусе Христе, спасении по вере...

«Да, жалко, что все собрала, — подумал он. — Наверняка отобрала же ведь все, что связано с церковью, чтобы не было этого больше в ее доме, в ее жизни... — он посмотрел на чемодан. — Да, я готов был бы оставить все содержимое этого чемодана, пожертвовал бы. Пусть не было бы у меня ничего от сына на память, лишь бы все это привело ее к Богу и вере... Без веры-то разве можно жить?»

В доли секунд проносились эти мысли... Озвучивать их нельзя. Не то время, да и зачем?

— Когда уезжаешь? — спросил он, боясь, что она сейчас повернется и уйдет по своим делам, уйдет навсегда.

— Вот визу сделаем и поедем. Я уже уволился, теперь как муж...

Она опять отвела взгляд. Опять влезло слово, которое говорить она не хотела. «Муж». Другой это человек, Сергею наверняка неприятный... А Сергей уже не муж. Теперь — чужой. Совсем. Вот и чемодан с последним «свидетельством» об их супружестве отдан, и сына их общего больше нет... Все разорвано. Так что и смущаться уже как бы нет смысла. Просто жара...

— Зарплату-то хорошую дадут там? — спросил он, как будто стал интересующимся сугубо материальными вещами.

— Нормальную, — улыбнулась она. — Ты же знаешь, я всегда найду деньги!

— Да, — улыбнулся и он, хотя улыбаться не хотелось, да и солнце так пекло ухо, что пришлось его немного потереть рукой...

«Нет, — пронеслось у него в голове, — ослика я бы все-таки ей не отдал бы...»

Ему представилось, как он отдавал бы этого слепленного Алешей из глины ослика и... Стало жалко. Тем более, что только сейчас ослик у него тут, в чемодане. Не поломался ли? Не испортилась ли глина? Не потускнели ли краски на нем? Там же у него на спине был маленький коврик в полосочку... В желтую и красную. Если ослика перевернуть, этот коврик сваливается. Не потерялся бы... За ослика Алеше подарили в воскресной школе приз, как лучшему «скульптору» поделок к празднику Въезда Господнего в Иерусалим.

«Да нет, — подумал тут же Сергей. — Конечно ослика отдал бы за ее уверование. Совсем что-то жадным становлюсь. Нельзя так. С Алешей скоро встречусь, а будет ли там она?...»

— Ты давно был у Алеши? — спросила она.

— На прошлой неделе. Там все хорошо. Ограду пришлось выравнивать немного...

— Я тоже видела. Была позавчера. Убралась... Присмотришь?

— Конечно.

Он взглянул на нее. В ее глазах на мгновение исчезла самоуверенность. Она очень хотела бы сама быть у могилы сына, но не может... Редко чего она не может, а это, увы... Потому, может, и другая совсем становится в эти моменты. Настоящая, не деловая, простая...

— Скажите, как тут к метро пройти? — спросил у них какой-то мужчина, обеспокоено смотря по сторонам.

— Вон, туда! — показали они ему, и он, довольный, зашагал в указанную сторону.

«Да, не получилось у меня с семьей, — думал Сергей, — и с женой тоже. Плохой был я муж. Не смог убедить ее, что верить в Бога — это счастье и потребность живой души, а вовсе не какое-то мое «чужачество» или «вредность»... С Господом же так хорошо! Но как это я мог бы объяснить ей? Ничего она не слушала, все бесполезно было... Впрочем, это ведь каждый сам должен встретить Бога в своей жизни, сам почувствовать свою нужду в Нем, ощутить радость прощения, новую жизнь в вере. Тут нельзя стать христианином только «за компанию», «для мира в семье» или просто так. Только искренно, только один на один перед Богом, только абсолютно серьезно и сознательно... А если этого нет, то что можем мы, люди? Только позвать человека ко Христу, только рассказать о том, как нам хорошо с Ним, какое это великое чудо — стать дитем Божиим, во всем доверять Богу... А остальное — дело Бога и самого того человека. Господь открывает возможности, предоставляет нам случаи принять Его, покаяться в грехах, родиться свыше, Он как бы «открывает» небесные двери в Свое Царство: “Входи, грешник!” А захотим ли мы войти? Ответим ли на это веяние “тихого ветра” в нашей душе? Это зависит только от каждого лично...»

«Поэтому нет — так нет», — подумал Сергей и произнес:

— Ну, ладно! Рад был тебя видеть. Счастливо тебе. Пора мне бежать уже, да и ты на жаре тут замаялась со мною...

— Тебе тоже счастливо! — ответила она, пома- хала рукой на уровне своего лица. — Пока!

Выражение ее лица он не смог различить из-за того, что бросил на нее свой взгляд против солнца, а потому, сощурившись, улыбнулся, помахал наугад рукою и направился из скверика в сторону метро, покачивая чемоданчиком.

Она смотрела ему вслед. Его фигура сливалась с фигурами других людей, тоже куда-то спешивших по этой жаре. Почему-то ей стало жалко этого уда- ляющегося человека... Ссутулился, потерял уве- ренность в походке... Идет себе один в городе, по- терял сына и жену из-за своей непонятной веры... Хотя нет, не один он... У него же есть его Бог...

Может быть ей надо было понять его, когда он первый раз пришел домой с цветами после собра- ния в церкви? Может, ей надо было бросить свою гордыню и признать его слова, которые он говорил из Библии, правильными, а свои — ошибочными? Может, ей надо было пойти с ним в его церковь? Если не сразу, то хотя бы тогда, когда он стал водить туда их сына Алешу? Или хотя бы прихо- дить тогда, когда Алеша выступал в детском хоре на праздники? Может, ей надо было после того, как Алеша заболел и умер, не обвинять во всем мужа, не обвинять церковь и Бога? Может, не надо было им разводиться, а попытаться жить вместе, вспоминать о сыне, ради памяти о нем попытаться жить по-христиански? Может быть, не стоило вы- ходить второй раз замуж за неверующего делового человека, который увозит ее теперь куда-то за гра- ницу, прочь от России, от дома, от сына, от Сергея с его церковью? От Бога?.. И можно ли уехать от Бога? Нужно ли?..

Тушь на глазах не потекла. Хорошего качества была косметика. Говорят, ее специально стали де-

лать стойкой к жаре, поту и слезам женщин южных стран...

«Все кончено, — вздохнула тяжело женщина посередине сквера, — ничего уже не поправить! Надо жить...»

Жара не кончалась. Палящее солнце делало тень от деревьев все прозрачнее и ненужнее. Светлый асфальт продолжал накаляться, получая все новые и новые вмятины от каблуков, сохраняя и чьи-то старые следы, хотя оставившие их уже давно разошлись по своим важным и срочным делам...

Какая жара!

НЕВЗЯТАЯ ВЫСОТА

В доме Егора Гавриловича все давно уже спали. Только он один сидел сычом на кухне и с тоской глядел в окно. На душе у него, как никогда прежде, было тяжело и уныло. Даже трущійся об его ноги кот не мог развеять этого пасмурного настроения.

— Боже мой, Боже мой, — выдохнул Егор Гаврилович, пытаясь освободить грудь от щемящей боли. Однако совсем неожиданно до него дошел смысл произнесенной им фразы. Фразы, сказанной Иисусом Христом на кресте, фразы отчаяния: “Боже Мой, Боже Мой, для чего Ты оставил Меня?!”

От этого стало еще тяжелее, и Егор Гаврилович решил “прогуляться” от кухонного стола к газовой плите, заодно поставив на нее чайник. Вид огня также не прибавил хорошего настроения, и поэтому ничего не оставалось, как снова рухнуть на табуретку.

“Подумать только, — задумался Егор Гаврилович, — дочь моя, единственная душа в мире, которая мне всего дороже, и, надо же, сегодня в церкви была!”

Нет, Егор Гаврилович не был закоренелым атеистом и против Бога ничего конкретно не имел. Посещение церкви дочерью также не было для него самой ужасной вещью. Удручало то, что сегодня дочь его Настя совершила покаяние, раскаялась перед Господом во всех своих грехах, исповедовала их и со слезами на глазах отдала их Богу в молитве. Господь, верный Своим обещаниям, великодушно простил грешницу, коснулся ее Духом Сво-

им Святым, преисполнил радостью и сознанием прощения.

Сегодня Анастасия вернулась домой радостная и счастливая, подобно Моисею, спускавшемуся с горы Синай после общения с Богом. Она легко кинулась на шею маме, поцеловав ее, и затем только обратила внимание на своего растерявшегося отца.

— Я приняла Христа! — крикнула она на всю прихожую и закружилась вальсом.

Тут только Егор Гаврилович заметил у нее в руках пухленькую Библию, видимо, подаренную в церкви.

— Это где это? — проговорил с досадой отец.

Начиная успокаиваться и “сходить с небес на землю”, Настя рассказала:

— Сегодня пошла я на богослужение, дай, думаю, посмотрю, как это происходит. Зашла, села...

И она живо и эмоционально описала происшедшие в церкви события: проповеди, пение хора, звучание органа, декламацию стихов, молитвы. Егор Гаврилович даже удивился, что можно так красиво рассказывать о вещах, давным-давно ему знакомых и много раз виденных.

— ...И я вышла к кафедре, упала на колени и сказала Богу все-все, что только было у меня плохого, и сильно-сильно попросила Его простить меня, несмотря ни на что! Со мною молилась вся церковь!

Мать Нина Петровна слушала и тихо плакала, не стесняясь вытирать шалью огромные слезы радости. Один Егор Гаврилович стоял ошарашенный. От него явно ждали реакции на повествование дочери, но не сумел он ее проявить кроме как тем, что глупо улыбнулся одной стороной рта, кивнул, как ишак, да ушел куда-то. Он слышал, что дочь и жена молчали, когда он выходил, молчали, и когда он совсем скрылся за косяком дверного

проема... Если бы они знали, как его спине было неловко тогда!

Ночное одиночество было завоевано Егором Гавриловичем отчаянным криком: “Отстаньте!” — поданным им из ванной комнаты на вопрос Нины Петровны: “Ты где?” После этого к нему никто уже не подходил и не приставал. А он закрылся на кухне и сидит там уже весь вечер и полночи. Вот, кстати, и чайник вскипел...

Налив чаю, Егор Гаврилович сам с собою повел беседу.

— Я ведь тоже был верующим, — признался он. — Также когда-то перед Богом покаялся... Давно, правда. Счастливым такой я был, радовался спасению своему. Как же это было?

Он погрузился в воспоминания, и светлая улыбка на миг озарила его лицо.

— Приехали к нам в село баптисты, — вспоминал он, пытаюсь расставить события по порядку, — установили стол посреди центральной площади, разложили Библии, книги, журналы всякие... Библиотеку, значит, сообразили. Ну, мы все, деревенские, налетели, интересно, чай! Взял я тогда брошюрку одну... Как же она называлась-то? — но названия так и не вспомнил. — Про Бога так ясно рассказывала, про Иисуса... Я-то, дурень, думал до этого, что Бог на тучке сидит, с бородой Сам, с амурчиками вокруг, с голубем порхающим.. Хе-хе, умора! А тут читаю: “Бог есть Дух, и поклоняться Ему надо в духе и истине”! Конечно же, Дух! Я и сам это неосознанно чувствовал раньше! Ведь не может же Он быть из мяса и костей, как мы, потому что как же тогда Он всех нас услышит, всем поможет, много дел сделает? А Дух — другое дело, как воздух — везде и всегда!

Егор Гаврилович даже радостно поежился на табуретке, радуясь своему давнишнему открытию.

— А на следующий день пошел книжку-то баптистам возвращать, а они и сообщают: “Нынче, мол, вечером собрание в доме Фединых будет, приходите, мол”. Думал тогда я, думал, решил спросить: “Попаду я в рай или нет?” И если скажут, что не попаду, уйду от них, а если скажут, что попаду... Пошел в дом Фединых, они на краю села жили. Встал там на пороге и слушаю.

Выпив одним глотком кружку чая, Егор Гаврилович захотел припомнить содержание проповеди, но не смог.

— Нет, когда баптисты запели, а их было пятеро — два мужика, две женщины и пацаненок, — после того я кинулся на пол и начал каяться... О Боже! И ведь полегчало, да, полегчало!..

Ему стало грустно, слеза запросилась из глаза, и Егор Гаврилович тяжело вздохнул.

— Понял тогда, что прописка моя в раю от Иисуса Христа зависит, а Он уже умер за нее. Умер, чтобы я попал туда. Все так просто, слава Богу! Я молился даже несколько раз Ему. Мы, ну, все те, что на собрание в дом Фединых ходили, группу верующих создали, собирались постоянно. Я тоже туда ходил, Библию читал. Бог тогда со мною был, влиял.

— И что же остановило тебя тогда? — спросил голос совести Егора Гавриловича, подключаясь к беседе.

— Да понимаешь, — заерзал тот, — приехали из центра менты, баптистов с библиотекой загрузили в “козел”, увезли куда-то... Мы стали собираться в лесу. А пошел я как-то раз туда, вижу — председатель колхоза с солдатами... Подкараулили, значит. Мы — врассыпную! Но их больше было, почти всех нас догнали и били сильно... Еще нас же “изуверами” и “мракобесами” называли. Вот забрали нас и в амбаре заперли. Меня первого,

правда, на допрос повели. «Что, — говорят, — на Кольму, Егор, захотел? Ща быстро оформим! Мы у себя в колхозе никакую религию не потерпим! Мы от ентого ишо в тридцатом году отрешились полностью и бесповоротно! Ты что, против односельчан своих идти думаешь? Они вон какие сознательные, социализм строят. А ты? О матери своей лучше подумай! Ее-то, бедную, за что ты на нищету и позор обрекаешь? А братьев? Из-за глупости же какой-то!..»

Да, страшно тогда было, жутко. Ночь была, ну, прямо как сейчас, черная и холодная.

— Пожалел я родных своих... Чего зря в лагерь отправляться? Оттуда же не вернешься! — рассудил Егор Гаврилович, будто бы веря в свои оправдания.

Кот жалостно замяукал и начал скрестись в закрытую дверь. Пришлось выпустить животное, и оно, словно осуждая хозяина, удалилось восвояси.

— А потом?

— Потом свыкся. Думал: “Верю сам в себе и ладно. Буду жить себе, как жил”. Тут еще родня насела: “Работай лучше, ишь, в монахи удумал записаться, окаянный!” В общем, как-то постеснялся, затаился... Сбежал в город, стал работать на такси. Женился на заправщице бензоколонки Нине, дочка, вон, родилась. Правда, — вспомнил внезапно он, — жена, как назло, вдруг в Бога уверовала! Я пить с горя стал, обидно же!..

— А ты спортом занимался? — вдруг спросил голос.

— Ась? Спортом, что ли? Да, конечно... — удивился Егор Гаврилович. — Как ее, атлетикой легкой, прыжками в высоту то есть, очень даже занимался в свое время. На спартакиаду ездил.

— А почему бросил?

— Так ведь... — замялся он, вспомнив свое поражение на одном из районных соревнований.

Целый год Егор тренировался, готовился. Поехал. Верил, что запросто перепрыгнет любую высоту, тем более, что в районе он считался самым лучшим. Это на Спартакиаде планку все время поднимали почти под два метра, там прыгуны действительно сильные, а тут...

Но произошло непредвиденное. Парень из соседнего колхоза брал все новую и новую высоту. Только было Егор успокоится, что очередную высоту соперник не должен преодолеть, а тот — раз, и берет! Да еще под конец свою высоту установил — полтора метра! Егор самонадеянно улыбался, даже брюки спортивные позволил себе надеть, показывая этим, что, мол, уходить пора, ничего нового, мол, не произойдет... А тот взял высоту эту, перепрыгнул как-то! Представляете?

У Егора потемнело в глазах, он снова снял брюки и важно зашагал к отметине. “Погоди, я тебе покажу!” — прорычал он и ринулся на планку. Прыжок! Планка и Егор рухнули рядом... Публика и спортсмены издали единый вздох: “Ух!”

Затем Егор поднял глаза, ища объяснений, но увидел, что каждый стал смотреть уже на что-то свое. Кто — бег на стометровке, кто — метание копья... Лишь пара ребятишек беззлобно усмехнулись над падением Егора Кузьмина.

Это было ужасно. Это была НЕВЗЯТАЯ ВЫСОТА. Он тут же попробовал еще и еще, но только падал вместе с планкой и злился. Ни метр пятьдесят, ни даже метр сорок ему тогда не покорились. Это было ПОРАЖЕНИЕ, поражение, что называется, на всю жизнь, от чего он до сих пор все как-то неприятно вздрагивал, вспоминая свои тогдашние ощущения.

Сегодняшняя радость дочери, принявшей Христа в свое сердце, также была очередным напоминанием Егору Гавриловичу о другой его главной НЕВЗЯТОЙ ВЫСОТЕ — вере христианской. Ведь, как ни крути, а продал он ее, отрекся, как Иуда, испугавшись возможных последствий, бед и трудностей. Хотел было в рай попасть, даже прыгнул уже!.. И не взял. Не взял высоту, не перепрыгнул планку животного страха, рухнул обратно.

— Господи, — заплакал Егор Гаврилович, — я буду вечно сокрушаться об этом своем поражении! Я буду вечно презирать себя за то, что не смог, не одолел! Это — боль моя вечная до самой смерти...

И вдруг...

— Ну, что ты! — послышался чей-то успокаивающий голос. — Разве ты забыл, что Кровь Иисуса Христа очищает нас от ВСЯКОГО ГРЕХА? Разве ты не помнишь, что отец простил своего блудного сына? Тот тоже бросил отца, ушел прочь, но когда проголодался, когда осознал и вернулся, то отец простил его, принял, накормил и одел! “Как же нам не радоваться, не ликовать, ведь родной твой брат был мертв — и ожил!” — говорил отец другому своему сыну. И ты так же!..

Егор Гаврилович с надеждой улыбнулся. Он припомнил и другие слова из Библии, некогда читанные им теплыми вечерами в своем родном селе. О том, что Господь радуется каждому, возвратившемуся к Нему грешнику, что Он спасает и заблудшую овцу из Его стада... О том, что отпавшие ветви всегда могут прижиться обратно к своему природному стволу...

“Нет, я не хочу терпеть поражение! — решил Егор Гаврилович. — Я не хочу и дальше не брать высоту!”

Не заметив как, Егор Гаврилович упал на колени, закрыл глаза и долго-долго молился.

Он просил у Бога прощения за каждое свое падение, за каждую негодную мысль, он высказывал Отцу Небесному все, что было в его измученной душе. Ведь покоя и счастья без Бога в мире он так и не нашел... Объяснив свои беды, он еще и еще раз просил простить его, потому что искренне жаждал быть снова со Христом, снова получить “прописку” в раю.

И необычайная перемена произошла с Егором Гавриловичем: вдруг какая-то радость ворвалась в самое сердце старого грешника, поломала все заборы и стены, вычистила помещение совести и отпустила душу его на свободу. К Свету, к Истине, к Богу!

Так была одержана долгожданная ПОБЕДА! Егор Гаврилович впервые взял недоступную, казалось бы, ВЫСОТУ, взять которую он никак не мог и не осмеливался раньше. Потеряв “духовное чемпионство” один раз, теперь он готов был умереть, но только уже больше никогда не выпускать его и постараться прожить жизнь так, чтобы сделать для Бога как можно больше, преодолеть все высоты на свете, какие пошлет ему Господь.

Радуясь и благодаря Господа, он не знал, что вместе с ним в этот час, только в соседней комнате, стоя на коленях, за него молились его жена Нина Петровна и дочь Настенька — самые дорогие ему люди на земле.

За окном начинало светать...

КЕМ ТЫ ХОЧЕШЬ СТАТЬ?

— Так кто еще не говорил, кем хочет стать? Ваня? — говорила учительница, указывая на очередную руку в лесу рук учеников шестого класса одной сельской школы.

— Я хочу быть бизнесменом!

— Ха-ха-ха! — засмеялся класс. — «Канкретна»!..

— Федя! — указала учительница дальше.

— Этим, как его, рок-музыкантом!

— Надеюсь, ты теперь урок пения перестанешь прогуливать? — улыбнулась учительница.

— Я ж на басухе! — оправдывался покрасневший Федя.

— А что это Николай Стригольников у нас молчит? — внезапно вспомнила учительница, переведя взгляд на сидевшего на первой парте белобрысого мальчика.

— А он попом будет! — засмеялись с задней парты. — «Господи, поми-и-илуй!»

— Ха-ха-ха! — засмеялся класс.

Коля Стригольников действительно был из семьи верующих, хотя попов у них никогда в церкви не было. Стригольничковы, и папа и мама, были членами церкви евангельских христиан-баптистов, у которых все верующие — братья и сестры друг другу, тогда как слово «поп» происходит от греческого слова «отец», а как сказал Иисус Христос в Евангелии: «А вы не называйтесь учителями, ибо один у вас Учитель — Христос, все же вы — братья; и отцом себе не называйте никого на земле, ибо один у вас Отец, Который на небесах; и не называйтесь наставниками, ибо один у вас Наставник — Христос. Большой из вас да будет вам

слуга» (Мф. 23:8-11). Но одноклассники этих тонкостей еще не понимали, а потому были рады каждому счастливому случаю лишний раз посмеяться над странным «сектантом».

Коля любил ходить в воскресную школу при их церкви, которая находилась в соседнем селе, любил петь христианские гимны, любил слушать, как дома папа и мама читают Библию всей семье, любил задавать разные вопросы, тем более, что часто то, чему учили в школе, не совпадало с тем, чему его учили папа, церковь и о чем рассказывала Библия.

И вот, когда одноклассники говорили, кем они хотят стать, Коля задумался: «А кем я хочу?»

Коле нравилось, как папа давал убедительные ответы на разные вопросы: и дома домашним, и в церкви братьям, сестрам и впервые пришедшим. Неудивительно, что папа был диаконом в церкви! Его все любили и уважали. «Вот мне бы так!» — часто думал Коля, глядя на отца. Но пока, увы, собственные успехи Коли на этом поприще, в смысле устных рассказов и объяснений истин Евангелия, были более, чем скромными... Терялся Коля, запинаясь часто, никак не выходило отвечать умно и по существу на насмешливые издевки-вопросы школьников о его вере. Это Колю очень удручало, и потому он старался поменьше говорить и побольше читать серьезных христианских книг.

Вот и сейчас на Колю напало страшное смущение, лицо покраснело, ладоши вспотели, и даже живот заныл от того, что сейчас нужно отвечать, кем он хочет стать. А кем? Как сказать? Все вокруг хотели стать бизнесменами, эстрадными музыкантами, полицейскими, кинорежиссерами, спортсменами, манекенщицами и даже президентами. А он?..

Коля непроизвольно вздрогнул от неожиданного обвинения его в желании стать попом, то есть служителем другой религии, которая всегда злобно относилась к их церкви, а потому тут же, сам не зная почему, вспомнил неверующего родного брата папы — дядю Семена.

— Нет, я хочу стать военным офицером! — громко заявил Коля.

— Ого!

Класс на минуту замер, у учительницы подпрыгнули из-за очков брови. Явно все ждали повода посмеяться, но такого ответа от Коли не ожидали, а потому, видимо, никто не сообразил, как на него среагировать. Поэтому класс, на минуту замявшись, поспешил побыстрее как бы перелистнуть эпизод с ответом Николая Стригольникова.

— Ты, Инна! — последовал голос учительницы.

— Секретаршей в офисе!..

Коля шел домой из школы, нагруженный странными чувствами. С одной стороны, класс над ним сегодня не смог надсмеяться, что бывает крайне редко, и потому такой исход урока можно было считать удачей. Но с другой стороны...

Почему Коля сказал, что хочет стать военным, да еще офицером?

Дядя Семен служил в воинской части недалеко от районного центра, где-то в лесах. Несколько раз они с папой ездили к нему в гости. Дядя жил в кирпичном пятиэтажном доме, где, как заметил Коля, все стены в подъезде были исписаны гадкими словами, а с потолка висели провода с побитыми лампочками. Кроме того, дом находился за бетонным забором. Там много домов было за этим забором, а чтобы туда попасть, нужно было проходить через специальные железные ворота с красной звездой, которые отпирал вооруженный насто-

ящим автоматом солдат. И еще: дядю там все знали, ему отдавали честь, вытягивались перед ним по стойке «смирно», слушались его приказаний. А Коле с папой нужен был специальный пропуск, и если бы не дядя, их бы ни за что не впустили бы в городок за забором.

У дяди была очень красивая форма: зеленая, с погонами. На погонах располагалась граненая металлическая звездочка, и к дяде там все обращались не по имени, и даже не по фамилии, а «товарищ майор». Коля очень впечатлился дядиной фуражкой — с круглым загнутым верхом, блестящим черным козырьком, золотистой гербовой кокардой.

— На, поноси! — снисходительно расщедрился тогда дядя и нахлобучил свою фуражку на голову Коли прямо по самый нос.

«А что? — подумал Коля. — Военным быть неплохо. Как сказал бы одноклассник Федя, «это круто». Ну, и правильно сказал, что военным. Им еще, говорят, и пистолеты настоящие на дом дают...»

Так рассуждая, Коля приплелся домой.

— Спрашивали, кто кем хочет стать, — рассказывал Коля папе и маме вечером.

— Ну, и что ты ответил? — спросила мама.

— Я ответил, что военным. Как дядя...

Родители промолчали.

— Катя, иди сюда, у тебя ленточка совсем развязалась! — позвала мама младшую Колину сестренку и занялась ею.

Прошло немного времени, и папа сказал:

— К нам приезжает Семен, мой брат. Давненько я его не видел.

— Может, он уже полковник или покаялся? — улыбнулась мама.

«Ого! — подумал Коля. — Это интересно».

И вот однажды раздался стук в калитку, и через окно Коля увидел приехавшего майора, дядю Семена.

— Майор Стригольников по твоему приказанию прибыл! — доложил дядя и обнялся с папой Коли.

— С миром принимаем, заходи в дом! — потащил его папа.

— Можно со мной шофер тоже войдет? — спросил дядя, указывая на худого солдатика, стоявшего сзади и не решавшегося пройти через калитку.

— Конечно! — ответил папа.

— Так сказать, мой телохранитель, — пошутил дядя и скомандовал солдату: — Гришин! Запри машину и в дом! Живо!

— Есть! — крикнул солдат и кинулся к «уазу» исполнять приказ.

— Привет, белокрысый! — потрепал майор шевелюру Коли. — Как дела на учебном фронте?

— Нормально... — засмутился Коля.

— Катя, Лена, Миша... — поздоровался дядя с другими детьми, окинул командирским оком комнаты своего брата: — Все так же у тебя?

— Да, слава Богу! — топтался папа.

Тут появился худенький солдат Гришин, он тащил какой-то чемодан.

— Да, кстати, Иван, — обратился дядя Семен к папе Коли (его звали Иваном): — Вот мы тут тебе с женой презент доставили... Гришин! Давай сюда!

Гришин поднатужился, приподнял вверх и уложил чемодан на табуретку. дядя щелкнул замками, ловким движением отворил крышку чемодана и извлек наружу банки тушенки и другие консервы.

— Ой, Семен! — засмутился отец. — Может не надо было? Откуда такое?..

— Сухпаек! — объяснил дядя. — Не бойся, не уворовал ни у кого. Это ж не сапоги и не обмунди-

рование, как в прошлый раз, так что не отвертись, можешь принимать! У нас же, знаешь, свой огород, зарплата, да и наследников нету, так что сухпаек нам совсем ни к чему. А тебе — с твоей оравой, — в самый раз!

— Ну, благодарим тебя! — улыбнулся папа. — Давай это все Наде тогда.

— На кухню ставьте, разберемся, — ответила мама Коли, которую звали Надеждой. — А сейчас за стол, обедать, вы же, чай, с дороги!

— Гришин! Закрой там и — на кухню это все! — скомандовал дядя солдату и пошел в комнату, где мама Коли расставляла последние тарелки.

— Ух-ты, какие банки! — воскликнула Катя, вынимая из чемодана сгущенку.

— Дай посмотреть! — подвинул ее маленький Миша.

— Где у вас кухня? — спросил Гришин, запирая замки чемодана.

— Вон там! — показал ему Коля, и посмотрев, с каким трудом солдатик подхватывает тяжелый чемодан с табуретки, предложил: — Помочь?

— Благодарю, я сам! — прокрихтел тот, исчезая в кухне.

Но вот Колю с другими детьми позвали за стол. Невольно Коля проследил взглядом путь дядиной фуражки на крышку пианино, куда тот ее положил. Красивая, что ни говори, фуражка...

«В церкви вот у братьев нету никакой формы, никаких погон, хотя тоже служат...» — подумал Коля и представил пресвитера церкви, который идет между рядами к кафедре, одетый в красочную гусарскую форму с аксельбантом и погонами с бахромой, а все верующие, одетые в одинаковую форму, с гладкими погонами, на которых у кого одна, у кого две, у кого три лычки, отдают ему честь. А рядом с кафедрой стоит папа Коли, тоже

отдает честь, но одет он не так, как все остальные, а тоже весьма парадно, хотя и с небакромистыми погонами, но все-таки золотыми и со звездочками целого диакона... «Странно, что христиане до этого еще не додумались», — улыбнулся Коля.

— Ну, где же твой шофер? — осведомился папа у брата. — Пора за стол.

— Да вот он! — указал дядя на возникшего в дверях Гришина. — Рядовой Гришин!

— Как хоть тебя звать-то по имени? — спросила у солдата мама. — Чай, не в части, тут по имени можно.

— Да, — согласился отец, — мы что-то так и не познакомились впопыхах!

— Василий! — ответил Гришин.

— Да, кстати, — вмешался в знакомство дядя, — Василий Гришин тоже сектант какой-то, как и вы! Я его потому и решил к вам завезти, вдруг вам это интересно будет!..

Вся семья Стригольниковых, как по команде, умолкла и посмотрела на солдата. У Коли от удивления тоже аж рот раскрылся.

— Ты верующий? — спросил папа.

— Да, из церкви евангельских христиан-баптистов...

— Брат! — обрадовался папа.

— Брат! — всплеснула руками мама, а папа бросился к солдату пожать руку и даже поцеловался с ним, как это принято у христиан.

— Ну, вот, встретили свой своего! — заметил дядя.

— Как хорошо! — сказал папа, усаживая нового брата по вере на его стул. — А давно ли веруешь и сколько служишь?

— Покаялся в пятнадцать лет. а служу год пока, — ответил Гришин, тоже счастливо улыбаясь.

— Точно! Он у нас один такой в части, вот я и решил его свозить к тебе, — докладывал дядя Семен, забыв, видимо, что повторяется.

— Значит, — заключил Коля, — верующих в армии мало.

— Давайте помолимся! — предложил отец, и все встали. — Брат Василий, помолись?

— Господи! — произнес, закрыв глаза, солдатик. — Слава Тебе, что Ты позволил мне быть в доме детей Твоих! Благодарю Тебя за это! Благослови дом этот, хозяев. пищу, которую они приготовили для нас. Да прославишься Ты, Отец, Сын и Дух Святой! Аминь.

— Аминь! — ответили все хором.

Кушали радостно и весело. Дядя рассказал про его с женой приусадебное хозяйство, огород, про отпуск за границей. Катя, Лена и Миша галдели и мешали, и, поев, убежали играть во двор, а Коля сидел, ковырял вилкой картофелину и посматривал то на дядю, то на папу, то на солдатика Гришина.

— А ты все в церкви своей, да, помимо работы? — спросил дядя папу.

— Да, конечно.

— Хм. Вот ты скажи, чего ваши такие странные? Вон и Гришин никак присягу, понимаешь, не примет. Говорит, убивать нельзя, Бог не велит. А как же тогда армия, крестоносцы там, наши полководцы христианские, Александр Невский, к примеру? Повлиял бы ты, что ли, Вань?

— Написано же: «Не клянитесь вовсе», — Семен, — ответил отец. — И одна из заповедей гласит: «Не убивай!» Христианин — тот кто свыше рожден, а не кто так только называется.

— Ну, да, и Гришин так же говорит, — кивнул дядя. — Выходит, вы запрещаете вашим принимать присягу и воевать за отечество?

— Видишь ли, Семен, — подумав, ответил папа. — Мы ничего никому не запрещаем. Но каждый христианин сам лично принимает Христа, сам лично решает верить в Бога и слушаться Его заповедей. И мы не можем как раз запретить никому, в том числе, и брату Василию, исполнять заповеди Божьи так, как он это понимает, как ему лично подсказывает Дух Святой.

Дядя недовольно заерзал и откинулся на стуле, глядя в блюдо.

— Христианином быть тоже непросто, — заметила мама, разливая сок. — Это тоже, Семен, почти военная должность в наше время. Только война духовная, сам понимаешь. Вон сколько неустойства вокруг, беды у людей. Христос им нужен, мир в душе.

Дядя обернулся к застывшему с вилкой Коле и пробубнил:

— Она как, и твоя мамка тоже всю пацифизм проповедуеть!

Мама засмуцалась и отмахнулась:

— Да, ну тебя, Семен! Скажешь тоже, «псифизм» какой-то!..

— Можно нам с ним пойти пообщаться? — спросил, когда поели, папа у дяди Семена.

— Да, конечно! — разрешил дядя. — Мне тут твоя жена пока ваш огород показать хотела.

После еды все помолились и разошлись кто куда. Мама с Леной пошли показывать дяде Семену огород, Миша с Катей носились во дворе, папа ушел с Василием. Только Коля остался в комнате, не зная, куда пойти... Он побродил вокруг стола, посмотрел в окно. Потом подошел к лежащей на пианино фуражке, потрогал пальчиком орла на кокарде. Две головы. Одна означает власть мирскую, другая — власть церковную...

— Эх, — вздохнул он и задумался.

Тем временем ноги вынесли его на крыльцо дома. Во дворе бегали Катя и братик Миша. «Беззаботное детство». Коля почесал затылок и побрел в сад. Там у деревьев он увидел папу и солдата. Солдат почему-то стоял, свесив голову и иногда утирал рукой то ли нос, то ли глаза... А папа что-то показывал ему в Библии и объяснял.

Папа заметил Колю и позвал к себе.

— А трудно быть военным? — спросил Коля у Гришина, когда подошел к отцу.

— Да с Божьей помощью все возможно верующему! — улыбнулся тот. — Это вот мне твой папа сейчас и объяснял. Когда знаешь Христа, ничего не страшно.

— А ты правда убивать не будешь врагов, если прикажут? — серьезно спросил Коля.

— Видишь ли, брат. — серьезно ответил солдат. — Господь велел прощать и любить врагов. Раз уж я поступил в пятнадцатилетнем возрасте на службу Христу, нужно быть верным Ему и слушаться прежде всего Его слова, а уж потом людей. Служить Христу — это тоже служба, как у военных, только духовная. Тут твоя мама очень точно сказала.

— Да... Служить Христу — тоже служба. А что, в церкви тоже, наверное, есть свои звания? — улыбнулся Коля. — Пресвитер — это вроде генерала, а диакон — типа, как дядя Семен, офицер?

— Э, нет, сын! — возразил папа. — Служитель в церкви не командир и не генерал над верующими, а наоборот. если уж сравнивать, — дневальный, вечный дежурный, что ли. Или как врач. Всем слуга и помощник. Христос учил почитать другого высшим себя по званию, не господствовать над наследием Господним, и Сам Он ученикам Своим вообще мыл ноги. Помнишь?

— У Христа в Его Церкви все генералы, — заметил Василий. — И все рядовые, все служат на своих постах, а друг другу братья, родные по Духу. Для Бога может быть высок по званию совсем не тот, кто таким кажется людям.

— Давайте помолимся, — предложил отец, — чтобы Василия Господь благословил в армии быть служителем Бога. И за Семена тоже.

— Давайте.

И они все втроем встали коленями на зеленую траву в саду и помолились. Коля тоже помолился и в своей молитве поблагодарил Господа за то, что папа и солдат Василий чудесным образом сказали вдруг именно то, о чем он сам недавно думал.

— Коля, проводи брата в дом, а я гостя отыщу, — попросил папа и пошел искать на огороде своего брата, майора Стригольникова.

Пока Коля шел с Василием, он решил спросить:

— А вот ты бы хотел быть офицером, как дядя Семен?

— Нет, Коля, — улыбнулся Василий. — Господь, я думаю, призвал меня к Себе не для этого. Я хотел бы быть проповедником, таким, как вот твой отец, как христиане-мученики первых веков, как радикалы периода Реформации, таким, какими были первые верующие баптисты в России в девятнадцатом веке, или как наши братья в советское время, — чтоб все перенести, устоять в вере и донести Евангелие людям не только словом, но и делом.

Когда стемнело, дядя Семен собрался уезжать, забирая с собой рядового Гришина.

— Заезжай еще, Семен, — говорил на прощанье папа. — И жену свою привози, будем очень рады.

— Не обижайте там Васю! — улыбаясь, попросила мама.

— Ладно! — буркнул дядя, и, когда он обнимался с папой, Коля услышал, как дядя пробубнил: — Крепкое у вас «землячество»... Прямо как не я вам родной брат, получается, а вот он, Гришин. М-да.

— Ты же знаешь, нам каждый настоящий верующий — брат. А тебя мы тоже любим! — пытался оправдаться отец, но дядя, то ли шутя, то ли взаправду, изображал ревность и обиду. Он на прощанье помахал всем рукой и, сев в машину, командовал:

— Заводи! — затем посмотрел на своего шофера и тихо прибавил: — Поехали, Вася...

«Уазик» зажужжал, тронулся с места, и, выписав плавный разворот, унесся по асфальтовой дороге в сторону украшенного лесом горизонта.

На следующем уроке в школе Коля потянул вверх руку и, когда учительница разрешила ему встать, сказал, уже не обращая внимания ни на презрение одноклассников, ни на смех:

— Я не хочу стать военным! Я хочу быть, как мой папа и мои братья в церкви, настоящим христианином и проповедником!

СЛУЖЕНИЕ

Вася сидел на собрании в церкви, куда ходил каждое воскресенье с папой, мамой и еще тремя братьями, и слушал, как поет хор. Ему почему-то особенно нравилось пение хора, может быть, потому, что слова проповедей, которые говорили братья с кафедры, были иногда для него непонятными. В них ощущалась какая-то сила, и Вася это чувствовал, принимал, но понять ему их было все еще сложно.

Он был в семье старшим ребенком, весной ему исполнилось целых 10 лет. Вася и старался быть лучшим, выглядеть серьезнее и умнее своих братьев, но это не всегда получалось, он очень любил бегать с ними по коридору церкви, хотя дьяконы и не разрешали этого.

Однажды родители даже отделили Васю от братьев и посадили с другой стороны. Миша, Сережа и Гена занимались всякой всячиной: рисовали, играли машинками и строили друг другу смешные рожицы, а Васе пришлось сидеть и слушать.

В это время проповедовал незнакомый Васе пожилой брат.

— Приветствую вас, братья и сестры! — начал брат. — Как радостно видеть церковь, полную христиан, готовых трудиться для Господа! Слава Богу! Вижу, что у вас именно такая церковь...

Проповедь была про важность служения в церкви, о том, что каждый христианин должен быть служителем Иисуса Христа, Его священником и благовестником.

— Даже вот детки наши... — внезапно обратил внимание брат на сидящих впереди ребят, — и те имеют право провозглашать Благоую Весть неверу-

ющим людям! Да! Так заповедал Христос: «Идите, научите все народы!» И для вас труд есть, ребятки дорогие! — потом он повернулся к старушкам. — И для вас, старицы Церкви Христовой! Для вас тоже есть у Господа служение, кому какое по силам. Слава Богу!

Вася, раскрыв рот, слушал бодрого пожилого брата, видел, как зал откликнулся на его слова и вдруг...

...Вдруг он подумал: «А что я делаю полезного в церкви? Чем я служу Христу?»

Он посмотрел на папу, сидевшего с Библией в руках и следящего за всеми стихами, которые называл проповедник, и на маму, присматривающую за младшими его братишками...

«У них есть служения... — рассуждал Вася. — Папа изучает Библию, объясняет ее новичкам в церкви, ездит с братьями благовествовать по городу. Мама ходит на молитвенные собрания, навещает пожилых и больных сестер по домам... А я? Что я такого делаю?»

После собрания, когда родители остались в зале пообщаться с верующими и с приезжим братом, Вася с младшими братиками выбежал на улицу поиграть.

— Как ты думаешь, Миш, — обратился он к 8-летнему брату, который представлялся ему уже способным мыслить, — чем вот мы с тобой служим Богу и церкви?

— Мы? — удивился Миша, подумал, вспомнил слышанную им где-то мысль и произнес ее: — Наше служение сейчас в том, чтобы хорошо учиться... В воскресной школе мы должны хорошо изучить Библию... Вот.

Мишу дернули за рукав малолетки, и он, стремглав, убежал за ними во двор.

«Хм? — задумался Вася. — Это, конечно, так... Но вот и папа говорит, что он сам все еще учится у Бога, и даже пресвитер церкви так говорил... Но они в то же время и служат всю!»

Выходило, что у Бога нужно и учиться, и служить Ему одновременно.

— Папа! — обратился он к отцу, когда они ехали на автобусе домой. — Я хочу тоже служить чем-нибудь в церкви. Почему всем можно, а мне нельзя?

Отец на минуту замер от удивления, но тут же радостно улыбнулся и ответил:

— Конечно можно, Вася! Слава Богу, что ты этого хочешь! А что ты хотел бы делать?

Вася задумался. Проповедовать он еще стесняется, да и Библию сам еще не прочитал до конца... Петь в хоре — ростом еще не вышел и, наверное, забавно смотрелся бы рядом со взрослыми хористами...

Он представил себе хор, проповедника, говорящего в микрофон, звук от которого шел из колонок, висящих на боковых стенах зала. Рядом с ними на подоконнике верующие ставили свои диктофоны и маленькие магнитофоны, чтобы записать все, происходящее на собрании.

Кассеты у всех заканчивались в разное время, магнитофоны автоматически отключались, громко щелкая, и их хозяева постоянно бегали переворачивать кассеты на другую сторону. То один пробежит, перевернет, то другой. И этим они мешали остальным слушать.

Потом, правда, эти записи с удовольствием переписывались другими, и Васины папа с мамой тоже их часто слушали дома.

— Я буду переворачивать кассеты в магнитофонах у звуковых колонок! — сказал Вася папе.

— Ну, — согласился папа, — это очень даже неплохое служение, сын. Ты сможешь донести

Слово Божие о Христе людям и даже тем, кто никогда не бывал еще в церкви!

Вася обрадовался, отвернулся к окну, тихонечко закрыл глаза и помолился:

— Господи! Хочу послужить Тебе! Благослови! Аминь.

— Ты помолился, что ли? — услышал он шепот отца.

— Да, — ответил Вася.

— Я тоже! — улыбнулся папа.

Тут они подъехали к своей остановке и всей семьей поспешили к выходу.

И вот в церкви Вася поставил стул рядом с подоконником около колонки и стал говорить приносящим магнитофоны:

— Давайте, я послежу за вашими кассетами, давайте, я их попереворачиваю!

— Вот какой молодец! — радовались братья и сестры и доверяли ему свои магнитофоны и диктофоны.

Несколько собраний по воскресеньям Вася сидел и переворачивал кассеты, засекая по часам время. Он изучил уже все особенности каждого магнитофона и отличал на слух их щелчки, когда пленка заканчивалась.

Но однажды он сидел, как обычно, на своем «боевом посту» и слушал проповедь. Настроение было какое-то не особенно бодрое, скорее рассеянное, как и погода за окном. Шел дождь.

Вася посмотрел в зал и увидел, как его братья, Миша и Сережа, тянули за шиворот маленького Гену, чтобы тот пошел с ними за дверь. Увидев, что на них смотрит Вася, Сережа тут же нарочно заулыбался и показал язык. Мол, мы пошли баловаться, а ты тут сиди сиднем!..

Внезапно Васе почему-то тоже захотелось проникнуть в коридор за ними и там вволю побегать. Стало даже как-то жалко себя.

«Сижу тут, как привязанный, а они там играют! — рассуждал он. — И веселые такие, главное! Это несправедливо, вообще!..»

Он потихоньку прокрался к выходу и, как ошпаренный, выскочил в коридор.

— Ага! Испугались? — прыгнул он к братьям.

— Ой, Вася! — удивились те.

— Давайте бегать от Генки! — предложил Миша и все начали убегать от младшего братишки, который не понимал еще, почему же, собственно, все от него убегает, а потому доверчиво и настойчиво гонялся за ними.

Собрание закончилось, верующие стали выходить из зала. Вышла одна старушка, у которой на подоконнике всегда стоял старенький такой магнитофончик, в котором всегда заедала клавиша «стоп».

— Вася! Что ж ты, милый, бросил пост свой? Хоть бы сказал, что уходишь.

Вася покраснел, ему стало вдруг так стыдно, так стыдно...

Из зала выходили хористы, они были радостные и счастливые, наверное, оттого, что пели сегодня для Господа и могли этим послужить Ему. Выходили дьяконы, тоже потрудившиеся и готовые заниматься делами для Бога и церкви дальше.

Вася посмотрел на них и ему опять стало стыдно... Только он один бросил сегодня свое служение, за которое молился Богу...

Он заплакал. Подошел папа и спросил:

— Вася, что это ты тут плачешь у нас?

— Я хотел служить... А тут... — всхлипывал Вася, — я побегать решил... и бегал. А магнитофоны оставил!..

Папа обнял сына, посмотрел по сторонам и сказал:

— Это у тебя было такое искушение. Так иногда бывает у христиан. Сатана не любит, когда верующие служат Богу, и поэтому он всячески пытается их отвлечь от этого разными забавными вещами. Он даже Христу предлагал столько всего! Помнишь?

— Да, в пустыне, — подтвердил Вася. — А я не выдержал искушения, я слабый! — и он опять заплакал.

— Не плачь, — присел на корточки рядом с ним отец. — Важно, что ты понимаешь свой грех и раскаиваешься. Это так?

— Да...

— Слава Богу! Давай мы помолимся и попросим простить тебя во имя Иисуса Христа. Ты же знаешь, Господь никогда не отворачивается от тех, кто кается!

Вася утер нос, в его глазах блеснула надежда. Он взялся за папину руку, закрыл глаза и помолился шепотом, попросив прощения за свое слабодушие. Потом за сына помолился и папа. Он очень хотел, чтобы все его дети служили Богу, любили Бога и стремились жить, как настоящие христиане.

Когда папа сказал: «Аминь», — Вася почувствовал, как на душе стало хорошо и радостно, а значит, это Господь услышал молитву и простил.

— Папа! Бог меня простил! — обрадовался Вася.

— Конечно, сын мой, — улыбнулся папа, обняв Васю.

По дороге домой Вася сидел в автобусе и смотрел в окно. Братики Миша и Сережа сидели на других сидениях и строили ему рожицы, пытаясь рассме-

шить, но Васе это было уже не смешно, и он только по-умному качал головой, мол, ай-яяй!

— Папа, — спросил он, повернувшись к отцу, — а что, мне надо теперь стараться не общаться с Мишкой и Сережкой? Или как?

— Почему же? — удивился папа. — Общаться обязательно надо. Это же твои родные братья! Играть с ними тоже нужно, просто всему должно быть свое время, и оно не должно отниматься у главного твоего служения. Правильно?

— Да, конечно.

— Наш пресвитер, например, не убегает же посередине проповеди с собрания, чтобы заняться каким-нибудь интересным делом, правда?

— Правда! — засмеялся Вася. — Представляю, Виктор Васильевич вдруг говорит: «Извините, я хочу побегать». Ха-ха-ха!

И оба с удовольствием рассмеялись над таким предположением.

— Так что же делать, если вдруг опять придет это... как его... искушение? — спросил Вася, когда они уже были дома.

— Я думаю, сын, — ответил папа, — что нужно тут же обратиться к нашему Помощнику Иисусу Христу, попросить Его защитить от искушения. И, конечно, главное, надо всегда быть с Ним в хороших отношениях, часто общаться, разговаривать...

— Как с другом, наверное?

— Да, как с Другом. «Что за Друга мы имеем» — песня есть, помнишь? Христос — это все для нас. В Нем наша сила, наша вера, наше настоящее и будущее. Мы с тобой слабые, а Он сильный, и если мы Его друзья, Он даст нам все необходимое, чтобы мы могли не поддаваться дьяволу и своим плохим желаниям. Да нам и не захочется безобразничать, если в нас действительно живет

Христос! Сам посуди: зачем нам вдруг должно хотеться огорчать нашего самого верного Друга? Правда?

— Точно, — согласился Вася, — Христа огорчать я не хочу. Буду опять служить.

— Аминь! — обрадовался отец.

С тех пор Вася опять сидел на стуле у подоконника в зале церкви и занимался переворачиванием кассет. Таким маленьким, казалось бы, делом, но ценным в глазах Бога.

Однажды к нему подошел Миша и, оглянувшись, не слышит ли кто, шепотом спросил:

— Вась, а мне можно тоже как-нибудь Богу служить?..

Вскоре точно такой же вопрос задал и братик Сережа...

«НЕ ПРЕЗИРАЙТЕ...»

Игнат из деревни Сосновка имел явные литературные способности. Принадлежавшие его перу школьные сочинения неизменно пользовались огромной популярностью в классе. Учительница русского языка и литературы почему-то считала своим долгом публично зачитывать каждое сочинение Игната. Класс визжал от восторга, мальчишки и девчонки прямо падали со стульев от смеха. Не редкостью были и «бурные, продолжительные аплодисменты». Лишь учительница пыталась серьезно взывать:

— Ну, что вы смеетесь? Он же пишет, как думает! Как только поступать куда-нибудь будет, не знаю...

Да, Игнат писал всегда то, что думал, точнее, что считал правдой. Никогда не списывал из всяких рецензий на книги, учебных пособий, нечасто цитировал и чьи-либо высказывания о писателях и их произведениях, всегда имея свое собственное мнение. Эта его «ненормальность» вполне еще была приличной для маленькой сельской школы, кабы Игнат, вдобавок ко всему, не уверовал еще и в Бога. Но он действительно уверовал! Причем, уверовал полностью, самоотверженно, бескомпромиссно. Говорили, что он с родителями как-то посетил соседнюю деревню Красную, где они все и были завлечены подпольной группой баптистов на собрание, которое и привело их, семью Филимоновых, в состояние, как говорили, полного религиозного фанатизма. После этого события суждения Игната основывались исключительно только на Библии, что не могло не смешить «новое поколе-

ние», выбирающее, как известно, исключительно «пепси».

— Игнаша, — умоляла его учительница один на один, — ну, ты верь, конечно, как хочешь, но не пиши уж так прямо, а? Со стороны-то это смешно получается, понимаешь?

— Не могу, Зоя Павловна, — вздыхал Игнат. — На то нас Господь и спасает, чтобы мы другим свидетельствовали о Его любви! Как же можно молчать об этом, об Истине-то? Разве хорошо?..

Учительнице ничего не оставалось, как, молча, отпустить Игната и только украдкой утирать слезинки, видя, как его травят неверующие «нормальные» ребята.

Однажды, когда родители были в дальнем отъезде, Игнат наконец-то решил осуществить свою давнишнюю мечту. Он достал из сарая залатанный рюкзак и начал складывать в него свои тетради и свою толстую огромную Библию.

— Ты куда это? — застала его за сборами сестренка Аня. — Мама вовсе не разрешала без них никуда уходить.

— Я совсем и не уйду, я уезжаю, — ответил Игнат. — Видишь, вещи в дорогу собираю? Вот и деньги на дорогу из своей копилки беру. Еду в город, одним словом.

— Так нельзя ж?..

— Это уходить нельзя, а ехать в город по важному делу еще как можно!

— По какому-такому «важному делу»?

— Божьему!

Заметив, что у сестренки аж рот раскрылся от изумления, Игнат отложил рюкзак в сторону, сел на стул и серьезно обратился к Ане:

— В самую газету поеду, свои тетради им дам, где я о Боге людям рассказываю. Пусть печатают,

чтоб все люди знали, что Иисус Христос для них сделал!

Глаза Ани загорелись восхищением, она даже села на стул рядом.

— Ведь почему нынешние газеты такие скучные, почему их не читают, рыбу вон в них заворачивают? Про Истину в них не пишут, а без Бога что за интерес газету делать! Вот я и хочу поехать к ним, дать им про Бога информацию. Видишь, какое важное дело?

— Да, — согласилась Аня. — А что, кроме тебя некому?

— До сих пор было некому или не догадались еще, не то все газеты давно бы про это писали! И все люди в России давно уже про Бога знали бы, покаяться бы, да жили бы давно по-христиански. Так ведь?

— Да, конечно, давно бы уж... — согласилась сестра.

Игнат затянул на рюкзаке веревку, встал с сестренкой на колени, они помолились. После этого он, полный решимости, зашагал к электричке.

В город Игнат ездил всего два раза. Один раз с матерью, и раз — с отцом. Ехать было часа полтора на электричке, так что уже вскоре Игнат стоял на самом городском вокзале.

— Скажите, пожалуйста, — обратился он к подметавшей перрон женщине, — где тут у вас газета находится?

— Редакция, что ль?

— Да.

— Тебе зачем?

— Я написал для нее тут немного, хочу напечатать.

— Писатель! — усмехнулась она. — А в какую газету ты хочешь?

Игнат задумался. Ему сразу припомнилась стопка газет в сумке их деревенской почтальонши.

— Ну, «Правда», «Известия»...

— Эж, хватил! — засмеялась в голос женщина. — Те ж газеты в Москве, тебе туда надо! А тута свои, городские!... Ну, «писатель»!

Он загрустил. Женщина насмеялась и ободрила парнишку:

— Ладно, пошли к киоску, спросим там газету и прочитаем адрес!

Газету местную взяли, прочитали адрес и женщина объяснила, как найти редакцию.

— А чего написал-то? — подмигнула на прощанье она. — Небось, жалуешься на кого-нибудь?

— Нет, зачем жаловаться? — ответил Игнат. — Все, что происходит с нами, все по воле Божьей, для нашей пользы. А написал я про Бога, про Иисуса Христа, что спасает Он всех грешников и дает жизнь вечную.

Улыбка мигом исчезла с лица женщины.

— Милый, так то не в эту газету надо, а в какую церковную... Хотя, да, какие тут могут быть церковные газеты...

Со скорбью в глазах она пожала руку Игнату и проговорила:

— А почему, собственно, в этих газетах нельзя? Иди. Скажи им. Но не бойся, когда обижают будут. Бог в помощь!

— И с вами — будь Господь! Благодарю вас! — ответил Игнат, убегая в город и махая на прощание рукой.

— Надо же, — заметила женщина, беря метлу и глядя вслед Игнату, — есть еще такие!...

Редакция городской газеты «Нынче» находилась в подворотне старого, почти развалившегося дома. Перед подъездом стояли автомашины, а

дверь загораживали здоровенные парни в камуфляже с дубинками.

— Куда, парень? — преградили они дорогу Игнату.

— Здесь газета находится?

— Здесь, а что? Ты к кому?

— В газету я! Написал я для нее про Бога, вот в рюкзаке тетради, могу показать! — убеждал Игнат.

— Не надо. Ты звонил в редакцию? Договаривался? Пропуск заказывал? — опарашил опять охранник Игната новым потоком вопросов.

— Нет... Я только что приехал из Сосновки... Я не знал, — растерялся Игнат, — в газету я хотел... Про Бога...

— Ладно, проходи, «про Бога»!

Охранник открыл дверь, оглянулся и пропустил парня с рюкзаком внутрь. Радостный, Игнат взлетел по лестнице на верхний этаж дома, где была дверь с табличкой «Нынче». Перед ней он остановился, закрыл глаза и еще раз тихо помолился Господу, чтобы Он был с ним. После этого Игнат уверенно открыл дверь и вступил в шумный и продымленный редакционный мир газеты.

В этот день в редакции уже был закончен очередной номер газеты, поэтому царил атмосфера полного опустошения и расслабления. Мусор и обрывки бумаг были еще не убраны на полу, еще не было команды идти по домам, но зато был уже заслан соответствующий человек за «пузырями», дабы «обмыть» номер, как это делалось всегда. И вот в этот момент Игнату и посчастливилось появиться среди журналистской братии. Он вошел в коридор и осмотрел вереницу дверей. К сожалению, половина дверей не имела совсем никаких табличек о том, кто за ними скрывался, а другая

половина была или наглухо заперта, или настежь распахнута, и являла собой выставку приклеенных на них всевозможных календарей, плакатов и фотографий голых женщин, что, видимо, вдохновляло газетчиков на труд пера.

— Извините! — обратился Игнат к праздно шатающемуся с сигаретой в зубах бородачу. — Кто здесь главный?

— А ты кто такой? — возмутился почему-то тот.

— Я Игнат Филимонов из Сосновки, — ответил Игнат. — Привез свои тетради, чтобы их печатать в газете. Кому их надо отдать?

Бородач, видимо, очухался от «наглости» юного писателя, заулыбался, заюлил глазами.

— Ну, я редактор, чего принес? Давай, выкладывай!

Игнат снял с плеч рюкзак, развязал его и достал стопку тетрадей. Бородач, не выпуская изо рта бычок, снисходительно взял тетради и стал листать. Первая тетрадь содержала простой рассказ Игната о деле, совершенном Иисусом Христом для спасения человечества от рабства греха. Начинался рассказ с грехопадения Адама и Евы, переходил к описанию воскресения Иисуса Христа и кончался призывом верить в Него.

— Адам и Ева! — засмеялся бородач. — А чего не про бабу Ягу?

— При чем тут баба Яга? — искренне не понял Игнат. — Баба Яга кровь свою за нас не проливала, а была только выдуманным персонажем...

— А Иисус Христос не был?

— Нет, конечно. Он жил как человек две тысячи лет назад в Палестине и сейчас живет, только уже на небе.

— Правда? — засмеялся, выпучив глаза, бородач. — А ты Его на небе, конечно же, сам и видел?!

— Зачем видеть? Я знаю, что Он там. И не только там, но через Духа Святого и в каждом верующем, и во мне тоже...

Это окончательно почему-то развеселило бородача. Он быстро пролистал все остальные тетради и, увидав и в них слова «Бог», «Он», «Святой Дух» с больших букв, все уяснил.

— В тебе тоже чего-то живет? Уж не пророк ли перед нами? — загоготал он, подпрыгивая от восторга. — Ты кто, «белый брат», что ли, или богородичник какой?

Игнат не знал ни «Белое братство», ни «Богородичный центр», ни какие-то еще культы и секты, потому ответил так:

— Я просто верующий христианин. У меня и Библия есть.

— А как ваши верующие называются? — попытывался бородач. — Мормоны, пятидесятники, баптисты?..

— Баптисты! — узнал Игнат знакомое наименование общины христиан в деревне Красной, куда они с папой и мамой ходили по воскресеньям.

— Ребята! — заголосоил вдруг веселый бородач на весь коридор. — Хотите живого баптиста посмотреть?

Из дверей повысовывались любопытствующие лица сотрудников редакции.

— Во, агитировать пришел! — радостно доложил им бородач. — Видали, сколько тетрадей накатал!

— Ничего себе! — рывкнул какой-то лысый здоровяк. — Они уже детей своих заставляют по редакциям шлындать! Обнаглели!

Все почему-то сочувственно посмотрели на Игната, который старался уловить их юмор. Какая-то дама с раскрашенным лицом присела на корточки рядом с ним и спросила:

— Это тебя родители послали, или секта велела?

— Никто меня не посылал, — удивился Игнат их непонятливости, — я сам к вам приехал. Вот я тут написал в тетрадах про Бога, чтоб вы в газете это напечатали, а люди бы прочитали и уверовали в Него!

Все дружно засмеялись, но как-то зло засмеялись, ехидно. Впрочем, Игнат этого не заметил, ожидая, когда его тетради отдадут в печать.

— А зачем всем веровать-то в Бога вашего? — рявкнул лысый. — Не всем же быть баптистами!

— Как же не верить? — удивился опять Игнат. — Он же есть! Он создал все на свете и нас тоже. Христос умер на кресте вместо нас, за наши грехи. Он воскрес и сейчас каждый, кто кается и верит в Него, получает прощение и после смерти будет жить вечно в раю. Как же не верить?

— Фу, ты ада боишься? — брезгливо скривился бородач.

— Теперь нет, — ответил Игнат. — Меня Иисус Христос простил, я уже спасен. А другие люди еще нет, и они, если не уверуют, в этот ад и попадут. Их надо предупредить, для чего я и написал вот в тетрадах про Бога.

Все смеялись, что-то возражали прямо во время речи Игната.

— Во заморочили голову ребенку! — возмутился лысый здоровяк. — Чушь несет, да еще и адом запугивает!

— Как страшно! — притворился бородач.

— Ну, что вы смеетесь? — заступилась раскрашенная дама. — Его же родители так научили и напугали адом, наверное.

— Вовсе и не пугали! — возразил Игнат. — В Библии об этом написано!

Он ринулся к рюкзаку и достал оттуда свою Библию. Все заржали: «Ну, вот, началось!»

— «Боязливых же и неверных, и скверных и убийц, и любодеев и чародеев, и идолослужителей и всех лжецов — участь в озере, горящем огнем и серою», — прочитал Игнат им из книги Откровение.

— Обзывается! — возмутились все.

— Чего это ты имеешь против чародеев?! — взвизгнула странная женщина, увешанная бусами и амулетами.

— Не я, это Библия говорит, Бог! — стал защищаться Игнат.

— Библия — это жидовские штучки! — раздался откуда-то противный баритон.

— Врешь! — забасил рыжий дед. — Православие — исконно русская вера!

— Да он же не твой православный, он — баптист! — оправдывался баритон, не показываясь в коридоре.

Рыжий дед сурово подступил к Игнату:

— Что ты там против святых икон читал?

— Икон? — переспросил Игнат, вспоминая, что читал им только об идолослужителях.

— Да они хотят наше общество посорить между собой! — догадался кто-то. — Эти сектанты только порядок в стране расшатывают!

— Давно пора Госдуме запретить, к черту все эти секты!

— Без православия невозможно возродить государство! — пробасил рыжий дед, но на него никто внимания не обращал. Возможно, к нему редакция уже привыкла.

Игнат долго еще стоял с Библией в руках, слушая споры и монологи журналистов. Они, видимо, так и спорили бы еще бесконечно долго, если бы не явился гонец с «пузырями», и все сразу же примирились и подобрили.

— О, вот и истину принесли!

— Целую сумку!

— Ха-ха-ха!

Игнат оказался в коридоре один. Заметив выскочившего в туалет бородача, Игнат спросил:

— Ну, так как с моими тетрадями? Напечатаете?

— Нет, издадим брошюрой! — съязвил тот. — Хочешь, пошли с нами пить?.. Ну, как знаешь.

Все начали таскать стулья, искать стаканы, шуметь и материться. «А баптиста-то чего не приглашаем?» — слышались шуточки. Игнат не знал, ждать ему ответа или уходить надо, а потому стоял и стоял в коридоре. Уже и слезы начали выступать из его глаз, и горло сдавило болью обиды, а он все ждал чего-то от них, от работников городской газеты.

— Чего стоишь? — рявкнул, наконец, лысый. — Проваливай в свою секту! Скажи, чтоб больше мальцов не подсылали, а то засудим! Понял?

— Угу, — кивнул Игнат и, не видя из-за слез к кому обращается, спросил: — А что с моими тетрадями?

— Где тетради сектанта? — переспросил кто-то, обращаясь в комнаты.

— Да вон, под закусью, кажись! Отдать?

— Давай, а то он тут расхныкался.

Игнату сунули в руки облитые вином, измятые ногами и местами порванные тетрадки. Не глядя, он сунул их в рюкзак и смахнул слезы.

— Благодарю вас! — произнес он. — Я буду и о вас молиться тоже.

— Иди, иди! — послышался ответ, но Игнат уже летел вниз по лестнице, держа в охапке рюкзак и толстую Библию.

— Что, напечатали? — усмехнулся на выходе охранник.

— Не хотят, — ответил Игнат. — Они не поняли.

— Про Бога-то? Это конечно, куда им! — согласился охранник и, взяв Игната за рукав, спросил: — Дай мне почитать, а? Дашь?

Игнат посмотрел ему в лицо, пытаясь узнать, смеется тот или на самом деле хочет... И, кивнув головой, сунул руку в рюкзак, наугад схватил ворох бумаг и протянул их охраннику.

— Ух-ты! — удивился тот, складывая листки в стопку. — Неужто селедку заворачивали? Да не переживай! Наплюй.

Игнат вздохнул и пошел прочь от этой подворотни, от этих каменных джунглей к вокзалу, оставляя у охранника результат своего полугодового труда, когда он радовался каждой свободной минуте для письма о самом главном на свете, о Боге. Он сел в вагон у окна и поехал в свою Сосновку.

— Ну, что, отвез? — спросила дома сестренка.

— Отвез, — ответил Игнат, затем подумал и добавил: — Я думаю, они обязательно теперь уверуют в Бога, потому что я им все про Него рассказал.

— Рассказал? Тогда, конечно, уверуют, — согласилась Аня и, довольная, пошла играть с девочками в куклы.

Оставшись один, Игнат достал из рюкзака свою толстую Библию, открыл ее на Евангелии от Матфея и стал читать:

— «Смотрите, не презирайте ни одного из малых сих; ибо говорю вам, что Ангелы их на небесах всегда видят лицо Отца Моего Небесного...»

Он поднял глаза вверх, ощутил явное присутствие рядом Господа и успокоился душой. Через полчаса домой приехали папа и мама, они привезли Игнату сборник христианских гимнов «Юность

Иисусу», две книги о Боге и несколько самиздатовских баптистских журналов, так что он на семейной молитве перед сном даже не знал, с чего начать благодарить Всемогущего и Всеблагого Бога, так щедро дающего все потребное своим детям! Молился он Господу и о женщине с метлой на городском вокзале, и об охраннике в камуфляжной форме у подъезда редакции, и, конечно, о самих журналистах. О бородаче, о лысом, о безликом баритоне и рыжем деде, о раскрашенной женщине и остальных...

...Несколько дней спустя стало известно, что из-за финансовых затруднений газета «Нынче» была закрыта ее издателем...

Содержание

ВСТРЕЧА С САМИМ СОБОЙ	3
ПОСЛЕДНЯЯ ПЕСНЯ «СТРЕССА»	17
КОГДА УСЛЫШИТЕ ГЛАС ЕГО...	33
СВЯТОЙ БЕГЕМОТ	45
СЧАСТЬЕ ОБЫЧНОЙ ЖЕНЩИНЫ	82
ВСТРЕЧА НА ЖАРЕ	92
НЕВЗЯТАЯ ВЫСОТА	99
КЕМ ТЫ ХОЧЕШЬ СТАТЬ?	107
СЛУЖЕНИЕ	119
«НЕ ПРЕЗИРАЙТЕ...»	127

Редактор *Э. А. Ретнева*
Технический редактор *Д. Б. Тимофеев*
Корректор *П. И. Ярмаль Е. С. Русанова*
Дизайнер обложки *О. В. Маркина О. Н. Зверева А. Ю. Молчанов С. В.
Балдин Т. Е. Балдина*